

Библиотека русской словесности

АНАТОЛИЙ АПОСТОЛОВ

За Храмовой стеной

Книга стихотворений

**МОСКВА
2013**

УДК 07
ББК 76.01
А 76

**Апостолов А.Г. За Храмовой стеной (Книга стихов). – М.: 2013
–110 с.**

ISBN 5-204-00385-1

Книга стихов «За Храмовой стеной» – это отдельно взятая часть работы души автора в один из очередных критических периодов жизни (2008-2012), в годы невозвратных утрат и безутешных горестей.

По своему содержанию сборник стихов «За Храмовой стеной» – является не только прямым продолжением темы высокого предназначения человека, но и своеобразной данью памяти тех людей, на чью долю такое предназначение выпало. Автор попытался выразить свои впечатления об эпохе через призму духовно-нравственных переживаний своих недавно ушедших из жизни современников, дать онтологическую оценку своему времени в исторической перспективе самой России.

В сборнике стихов «За Храмовой стеной» в мотив прежнего духовного отчуждения и внутренней эмиграции тесно вплетаются мотивы тотального одиночества лирического героя, с его особой многовековой, наследственной античной тоской, которая часто проявляется в людях накануне гибели очередной цивилизации. Звуки Земли и звуки Небес вступают в резонанс и создают в чувствительной душе читателя глубокие трансцендентальные переживания.

Книгу предваряет эссе «Слово об ушедших в Вечность», посвящённое героям страшной эпохи: славным предкам и современникам: родителям-труженикам, учителям нравственности, историкам и теософам (В. Никитину и А. Смирнову); писателям-мыслителям и философам Новейшей истории (А. Зиновьеву и А. Солженицыну).

***Светлой памяти моих родителей –
Геннадия Ивановича и Марии Ивановны Апостоловых;
и родителей моей жены –
Фёдора Гавриловича и Александры Николаевны
Молокановых,
а также наших бабушек – Феодоры Ивановны
Лопатиной и Наталии Ивановны Алфёровой, всем
жертвам тотальной системы насилия посвящается
эта книга...***

Слово об ушедших в Вечность

1. Нам нет прощения...

Где найти источник той силы, которая могла бы одолеть ту чёрную неодолимую энергию жестокой, бесчеловечной повседневности, стремящуюся с какой-то сатанинской алчностью, как можно быстрее, зарыть нас ещё живыми в землю? Нигде и ни у кого, кроме как у очага наших славных предков, у отцов и матерей.

Чем ближе подходишь к последней своей черте, тем больше понимаешь, что ушедшие в Вечность предки продолжают идти впереди тебя по искривлённым полям пространства-времени. При этом понимаешь, что огромную роль здесь играет событийно-временной фактор – тебе непременно предстоит одолеть пройденный некогда твоими предками путь и завершить его совершенно неожиданным образом, ибо обстоятельства и причины ухода человека в Вечность многовариантны и непредсказуемы.

Идущие впереди никогда не возвращаются. Это надо признать и с этим нужно смириться. Их уход в иной мир воспринимается многими из нас как военные невозвратные потери и вызывает в наших душах чувство непоправимой вины, как будто это мы, потомки, в первую очередь виноваты в преждевременном уходе своих предков. В основном это так. Идущие впереди нас предки все свои трофеи, добытые в сражениях с безжалостным рациональным миром, оставляют нам. Мы же бездумно пользуемся плодами побед идущих впереди по своему усмотрению, и зачастую бываем при этом крайне эгоистичными, черствыми и неблагодарными...

Ничем не искупить нам вину перед своими предками. Лишь светлая память о них, тихая поминальная молитва и наши зримые дела, посвящённые им, смогут в какой-то мере утешить нас, озарить светлой печалью наши души.

Идущие впереди не возвращаются, не повторяются и не воскресают во плоти. Природа не терпит полных повторений, у Творца Вселенной имеется бесконечное множество вариаций и метаморфоз на эту электромагнитную тему. Не будем рабами великих мировых заблуждений, пора перестать жить иллюзиями и самообманом.

Не будем роптать духом и напрасно скорбеть сердцем. Лучше мудро и покорно пойдём вслед идущими впереди. Пойдем по стопам своих дедов, отцов и матерей, по тернистым путям новейших странных времён, с их острыми, опасными гранями и тончайшими, роковыми нитями, от которых изначально зависит так горячо желанное спокойное состояние души.

Ничем не искупить нам вину перед своими родителями, героически выжившими в нечеловеческих условиях российской действительности, ничем не искупить нам вину перед старшим поколением, перед гражданами несчастной бывшей державы.

Мы плохо относились к своим ветеранам всех войн, ещё хуже относились мы к инвалидам этих войн и труда. Ни один народ цивилизованного мира не относится так бездушно и подло к своим предкам, как мы.

Наша вина перед старшими поколениями заключается в том, что мы не смогли в 90-е годы XX века вернуть в нашу жизнь здравый смысл, природную совесть и добрые национальные традиции. По большому счёту мы обязаны были возвести в ранг национальных героев наших стариков, сумевших достойно пережить все «великие переломы» славянской души в эпоху большевистского ига и прочих социальных, катастрофических «перестроек» и криминальных революций прошлого века.

По большому счёту, мы, сыновья и внуки наших стариков, сами отказались от своих национальных ценностей, традиций и верований ради западноевропейской чечевичной похлёбки.

Это мы позволили ветеранам войны и тыла усомниться в своих великих победах, ради которых ими была пролита Большая Кровь. Это по нашей вине многие из ветеранов-победителей на пороге смерти задавали себе страшный вопрос: «Неужели всё напрасно?» (Виктор Астафьев).

Это мы, их дети и внуки, виноваты в том, что в конце XX века, они бессовестным образом были унижены и ограблены новоявленными бандитами и проходимцами от власти. Это мы покорно отдали народное добро, нажитое страшной ценой всеми нашими предкам социальным паразитам разного рода, и тем самым лишили смысла прожитую жизнь старших поколений. Это мы виноваты в том, что в 90-е годы наши старики рылись в мусорных контейнерах в поисках пищи, промышляли нищенством, умирая в одиночестве без последнего причастия и утешения. Никогда не забыть тех мрачных лет, когда обнищавшие родственники, за неимением средств, хоронили своих стариков в целлофановых мешках...

Мы предали своих стариков, мы трусливо предали и продали отчий дом, сделали всё возможное для того, чтобы родная земля стала для нас и наших потомков чужой и враждебной. Кто мы сегодня? Сегодня мы невольные и слабодушные соучастники третьего великого грабежа России, бездумные кромешники и разрушители:

Смирные люди, наивные звери
В бессрочное рабство продали себя,
Врагам отворили державные двери,
За стол усадили... под образа.

Наши предки, даже пройдя через кровавый сатанинский неестественный отбор, сумели дать миру множество славных имён во всех сферах созидательной деятельности, а мы – ни добрых дел, ни настоящих героев, ничего и никого, кроме целого сонмища алчных хищников, предателей, социальных паразитов и примитивных потребителей, несметных легионов рабов желудочно-кишечного консюмеризма.

Среди нас нет героев нашего времени. Эпоха великой Смуты, общество предателей не приемлет национальных героев.

Нам нет прощения, наше поколение не достойно покаяния, ибо мы давным-давно лишены божественного благословения, прокляты и убиты ещё в середине «лихих» 90-х годов по непреложному Закону вселенской Кармы.

Старое великое отходит. Нарождается ли великое новое? Другие проявились люди, другие стали и характеры: закал стал не тот теперь, что был прежде, мельчают и вырождаются люди нравственно и физически.

Остались только наши братья по заднему разуму – морально убогие и нравственно неизлечимые. Одиноко, бесприютно, скучно и бессмысленно жить здравомыслящему человеку среди таких двуногих особей.

В ком и в чём можно найти моральную поддержку, утешение и мудрое наставление на этой юдоли скорби? Какой труд нужно избрать нам, чтобы плоды его не стали добычей тех, кто вообще не сеет и не жнёт?

Ответы на все эти вопросы могут дать только идущие впереди, в первую очередь наши родители (да будут благословенны светлые имена их!). На более сложные вопросы могут дать ответ Учителя жизни и нравственности, жрецы и пророки (да будут трижды благословенны деяния их!).

Но часто ли следовали мы советам и наставлениям своих родителей, учителей и пророков нашего времени и прошлых эпох? Нет, и ещё раз нет. В этом отношении мы зачастую были глухими и неблагодарными. А посему нам нет, и не может быть прощения...

Не всякий исследователь новейшей русской истории может сегодня вспомнить период благоговейного почитания нашими гражданами своих великих современников – отечественных писателей, художников, поэтов, философов и мыслителей. Почти все они подвергались хуле, оговору, клевете современников, на них писали доносы, по которым их преследовала и убивала власть. И каждый из нас был невольным или добровольным соучастником в прямом или косвенном убийстве этих знаковых фигур своей эпохи,

«...где в плоть вбивают ржавый гвоздь

И призывают к соучастью...»

За всю свою жизнь наше поколение отучилось чтить и уважать своих родителей так, как это было принято во времена древнего язычества и раннего христианства. Соответственно, мы не способны глубоко уважать учителей и пророков нашего времени, чтить их наравне со своими родителями, как умели это делать славные эллины. Мы – потерянное поколение, ибо для нас нет великих авторитетов и у нас нет великой идеи.

Мы всегда были щедры на осуждение своего ближнего и дальнего, но очень скупы на похвалу и добрые слова в адрес талантливой и неординарной личности. Пройдя школу коммунистического воспитания в СССР и оказавшись в условиях буржуазно-криминальной России мы окончательно утратили остатки человечности и превратились в чёрствых манкуртов-потребителей. Прямые и побочные потомки советских антропофагов, мы пусть и опосредованно продолжаем мучить друг друга, убивать морально и психологически лучших своих сограждан.

2. Свидетели иллюзий

Этот скромный сборник стихов – дань светлой памяти ушедших недавно от нас в Вечность родных по крови и духу близких людей. Почти все они, уходя из жизни, убедительно просили автора в своих произведениях выразить в любой литературной форме свой личный взгляд на эпоху, которая медленно и верно убивала их, дать ей свою оценку в исторической перспективе самой России.

В своих предсмертных пожеланиях они определяли тематику и хронологический период будущих произведений автора. Одних волновали засекреченные трагедии советской истории, которые были ими лично пережиты. Некоторых интересовали негласно табуированные в нашей стране темы, связанные с духовно-нравственным кризисом постсоветского общества. Другие искали и не находили причин возникновения в стране неистойой, умопомрачительной Смуты и связанного с ней третьего великого Грабежа нашей Родины...

Так, например, отец автора – Геннадий Иванович Апостолов (1916-2004), ветеран Великой Отечественной войны, участник Сталинградской битвы, кавалер многих боевых орденов и медалей, перед смертью просил обязательно рассказать потомкам всю правду о войне большевиков со своим народом. В частности он хотел поведать миру, как свои свидетельские показания, так и показания своих родных и знакомых об искусственном голодоморе 1932-1933 годов, о чудовищной смертности и людоедстве в самых хлебобобовых регионах страны.

Другой ветеран войны, российский культуролог и лингвист, профессор, академик РАЕН Степан Петрович Мамонтов (1923-2001) оказывал автору этих строк большую моральную поддержку при написании документально-психологического романа «Княж-Погост» и считал, что этот роман должен в яркой и наглядной форме показать потаённые, скрытые силы, истоки и происхождение криминальной революции в современной России.

Степан Петрович Мамонтов считал, что дремавшую в недрах советского общественного строя криминальную революцию разбудило высшее международное начальство (масонство) через тайный подкуп продажных лидеров советской партийной номенклатуры и готовых на всё молодых хищников из ЦК ВЛКСМ.

«Тайна масонства – это тайна тотального беззакония и политических провокаций», – неоднократно повторял Степан Петрович, когда заходила речь о смертельных реформах наших «младореформаторов» и либералов в конце 90-х годов, на стыке двух веков и двух тысячелетий.

Огромную моральную и информационную поддержку автору оказал в своё время замечательный специалист по истории Русской Катакомбной церкви, истории дворянской усадьбы и быта, художник-иконописец Алексей Глебович Смирнов (1937-2009). Алексей Глебович считал, что современный писатель должен быть честным свидетелем своей эпохи, что автору этих строк с его знаниями о своем времени и информационным багажом преступно писать стихи и прозу на отвлечённые темы.

Такого же мнения придерживался и Макар Михайлович Бим-Бад (1945-2010), автор единственного сборника замечательных оригинальных психологических, историософских рассказов «НО...» (М., 2003), которого по его собственному признанию смертельно угнетало

глубинное омерзение к эпохе наглого торжества монетаризма на фоне стремительной деградации и вырождения российского народонаселения.

Именно он и А.Г. Смирнов оказались первыми критиками, которые дали положительные рецензии на роман «Княж-Погост».

Огромное влияние на творческий потенциал автора оказал выдающийся социолог и философ, писатель Александр Александрович Зиновьев (1922-2008). Именно он благословил автора на написание научно-популярной книги о политическом доносительстве в России. («Как продать ближнего. Донос как способ существования». М. Изд-во УРАО. 2003). Кроме этого Александр Александрович дал автору этих строк несколько ценных профессиональных советов, касающихся применения «неконвенционного оружия» в условиях современных информационных пси-войн.

Дальнейшему развитию своего философско-поэтического творчества автор также обязан не менее оригинальному интеллектуалу нашего времени Владимиру Николаевичу Никитину (1949-2010), доктору исторических наук, профессору Российского университета дружбы народов, автору книги «Философия Вечности» и другим не очень известным и совсем неизвестным современной публике личностям с большой буквы.

Автор глубоко признателен этим ярким людям. Именно их бескорыстное служение русской культуре и русской мысли вдохновляло автора, давало ему силы преодолевать непреодолимую силу «культуры повседневности», социально-политического и общественного морака.

Что-то из их наказов автору удалось осуществить, что-то нет. Но автор старается не падать духом и стремится в меру своих сил и возможностей продолжать дело своих замечательных соратников, единомышленников и Учителей-наставников.

Автор понимает, что создание серьёзных художественных произведений подобно воздвижению храма своей души. Это – тяжёлая и мучительная работа, полная отчаяния, разочарования в себе самом и в людях, приносящая душевные раны и увечья.

Для кого созидаете свою храмину? Для себя, отвечают некоторые коллеги-лирики, эпигоны салонной поэзии. Для людей, отвечают поэты-философы, альтруисты и мизантропы. Но не соглашается внутренний голос ни с теми, ни с другими.

Одно утешает: неблагодарная и почти безнадёжная работа души даёт тебе по её завершению некоторое удовлетворение. Об этом хорошо сказал Александр Александрович Зиновьев: «Акт творчества сам по себе награда. Я сказал своё слово и тем самым вознаграждён сполна».

Светлая память всем моим славным современникам, родным и близким, живым и усопшим. Всем, всем, которые активно присутствовали в моей жизни и продолжают быть в ней поныне.

3. О мыслителях прошлого века (о Зиновьеве и Солженицыне)

Уходят мыслители и властители дум, та «соль земли», без которой любое общество подлежит в итоге гниению и распаду. Сколько ярких личностей советской эпохи ушло от нас на стыке двух тысячелетий? Очень много. Не пора ли составлять новый скорбный список жертв Смутного времени конца XX века?

Из самых значимых и невосполнимых потерь по праву можно считать уход в мир иной философа и социолога Александра Александровича Зиновьева и писателя-историка Александра Исаевича Солженицына.

Ушли в Вечность два выдающихся мыслителя современности, но их роль и значение в русской культуре и российской общественной мысли, увы, ещё до конца и глубоко не осознаны их современниками.

Зиновьев ушёл тихо, провожаемый верными учениками и последователями, родными и близкими. Солженицын же – шумно, при стечении многочисленной толпы. Но в стране почему-то не был объявлен траур...

Я благодарен судьбе за то, что она свела меня пусть и на краткое время с этими крепкими стоятелями за Правду и Справедливость. И соответственно, с моей стороны было бы некрасиво не сказать о них несколько добрых и благодарных слов.

Вся история болезни человечества, и славянских народов в том числе, – в каждой слезе постоянно умирающей культуры. С каждым уходом носителей отечественной культуры ослабевает и моральный стержень общества.

Мне посчастливилось общаться с ними на темы, связанные с дальнейшей судьбой русского народа, в конце 2001 и в начале 2002 гг., на пике глубокого, затяжного духовно-нравственного кризиса России.

А посему, вспоминая одного, я не могу не вспомнить другого, потому что между этими, казалось бы, разными на первых взгляд мыслителями, есть и нечто общее: глубокий реальный анализ и заодно с ним утопические идеи в их исторической перспективе.

Оба – фигуры цельные, неординарные и противоречивые – являются для нас образцами настоящего гражданского мужества в единоборстве с окаянным, лукавым миром. Солженицын был ортодоксальным православным, глубоко переживавшим сложное и мучительное становление Русской православной церкви после почти векового гнёта насильственного атеизма; Зиновьев же по его собственному признанию считал себя «верующим безбожником», имел в душе свой храм и «сам себе был государством».

Зиновьев и Солженицын ещё раз доказали современникам, что разум человеческий, увы, не замечен среди причин исторических процессов.

Оба считали, что если признавать социальные явления и реформы визитной карточкой цивилизации, то эти «судьбоносные» факты и процессы окончательно разрушают легенду о разуме человечества, древнюю легенду о Человеке...

Все человеческие мировоззрения, по их мнению, сходятся сегодня в том, что общение человека с Истиной никоим образом не может напоминать нам общение человека с человеком.

Образ человека с его человечностью становится всё более неясным и размытым, продолжается стремительное крушение того образа человека, который был взлелеян всей культурой сложившейся цивилизации.

По мнению Зиновьева, абсурд реальности, выполнив свою социальную функцию, умирает, но накануне издыхания обязательно плодит себе на смену крепкое потомство абсурдов-антиподов, чтобы всем поколениям граждан казалось, что именно с них, именно сегодня, а не вчера, начинается долгожданная новая жизнь и начинается с нуля история цивилизации.

И если общепризнанной и величайшей заслугой Солженицына является разоблачение в мировом масштабе злодеяний тоталитарного большевистского режима, то, величайшая заслуга Зиновьева заключается в том, что он как всемирно известный учёный-логик, философ и социолог, первым дал научный диагноз реальному коммунизму: вырождение, стагнация и неминуемый распад, полное разложение.

Зиновьев первым назвал нынешнее психическое состояние российского общества общим умственным расстройством и перманентной драмой человеческого ума. Он считал, что в российском обществе становится всё меньше людей, желающих понимать и анализировать происходящее, а мыслящим людям при этом приходится «опасливо скрывать признаки своего разума».

Зиновьев как учёный-логик, социолог, философ, социальный писатель и поэт утверждал, что знание истины сегодня стало совершенно необязательным условием для процветания так называемой «реальной жизни сложившегося общества», то есть истина занимает людей чисто символически, но жизненного значения не имеет.

В этом и заключалась, по мнению Зиновьева, трагедия «Правдеца» (Солженицына – А.А.), который "не понял, что мы уже давно живём в обществе запредельной абсурдности, где возникла проблема неразличимости правды и лжи. Солженицын, по мнению Зиновьева, «не учёл того, что с помощью западных политологов в России создано такое гражданское право и такая техника блокировки разума, что «россияне» давно смирились с тем, что между истиной и ложью регулярно ставится жирный знак равенства».

В России, считал Зиновьев, создана такая оптимистическая ситуация, что доводы разума и угрызения совести для благополучного обывателя уже не имеют никакого решающего значения, а сам разум в его глазах начинает выглядеть глупо.

Зиновьев был одним из первых после учёных-социологов Пола Кеннеди и лауреата Нобелевской премии Мориса Аллоэ, сумевший в понятной и яркой форме изложить суть монетарных игр, которые состоят из двух, апробированных на практике в разных странах этапов.

Для полного победного торжества монетаризма, объяснял Зиновьев ещё в 2001 году, нужна была полнейшая безысходность, абсолютная безвыходность, глубочайшее отчаяние, доводящее многих российских аборигенов до мысли о суициде. Эту мысль выдающегося социолога и философа позднее дополнил философ Анатолий Куракин в своей книге, посвящённой блистательному шествию монетаризма в России:

«Надо было создать в России такие условия, чтобы заплакали невинные дети, чтобы жены стали бросать своих детей и мужей и уходить от унижительной бедности к держателям денежных знаков. Надо было сделать так, чтобы естественные, природные богатства страны и невозполнимые энергоресурсы стали намного порядков дешевле фальшивых и виртуальных денежных знаков. Словом сделать так, чтобы от денег стало зависеть множество таких дел, которые по существу от них никак не могли бы зависеть. Надо было сделать так, чтобы доллар съел в России всё – духовное и материальное».

И «младореформаторы» во главе с Ельциным сделали всё возможное для триумфального шествия по просторам России монетаризма новой формации, с его новым видом социально-экономической и информационной оккупации.

Сегодня в российском обществе восприятие денежных знаков прочно заняло место инстинкта самосохранения цивилизованных граждан. Люди творческого, производительного, созидательного труда обречены. Ремесленники, шахтёры и земледельцы стали реликтовыми персонажами

нового общества. В стране оказалось около 50-ти миллионов так называемых «лишних трудоспособных русских».

Оба мыслителя довольно мрачно смотрели на будущее этнических русских вообще и «советских русских» в частности.

Зиновьев, например, считал, что распад России есть одновременно и деградация русского народа, являющаяся следствием умышленного геноцида русских (в основном, русского крестьянства как извечного оплота тысячелетней Руси).

Русскими почти утрачен высокий уровень нравственности. Зиновьев считал, что моральная деградация началась в советское время, Солженицын же утверждал, что эта беда проявилась намного раньше, после революции 1905 года.

С утратой нравственности русские утратили присущую им человечность и интеллектуальный потенциал. Без этих двух созидательных составляющих Россия уже потерпела поражение в информационной войне.

Зиновьев первым не побоялся назвать ельцинский режим "посмертным выкидышем советской империи, полностью утратившей системное управление, основанное на коммунистической морали и страхе".

Установление демократического режима в России и расстрел Дома правительства из танков он назвал бунтом вчерашних идеологических лакеев и освобождённого от человеческих и божьих законов профессионального интернационального криминала.

Зиновьев как «верующий безбожник» первым имел мужество сказать, что наша демократическая «элита» – прямая наследница советской партийной элиты и держится на трёх догматах дьявола.

Первый догмат: относительность и бессмысленность нравственных оценок. Сегодня, как и прежде, общество не любит непорочных пророков и правдолюбив, и чтобы быть в числе «элиты», индивид должен иметь некий значительный моральный изъян, низводящий его до обще-уродливого, дегенеративного уровня.

Отсюда вытекает второй догмат дьявола: для «элиты» нового общества все мы («простой народ») – быдло, в лучшем случае, «навоз истории», как некогда сказал о славянах ярый русофоб Карл Маркс.

И третий догмат: предай и продай ближнего своего. В нашем обществе, как и в советском, продажность и предательство – догмат бытия.

Сегодня само общество рождается как акт предательства к породившему его прошлому. Предательство есть характерное проявление обрыва всех тех связей между людьми, благодаря которым возникла человечность, не уставал утверждать А.А.Зиновьев в своих книгах и публичных лекциях в МГУ.

Предательство оборвало человеческие связи любви даже в семье, они оказались чужеродными и ненужными в стране «новых русских». Между кризисом патриотизма и предательством правящих сил страны есть прямая зависимость, считал Зиновьев.

Оба мыслителя поощряли в молодых смелость мысли и оригинальную самостоятельность суждений, призывали молодёжь знать, понимать, осмысливать и переосмысливать славное и трагическое прошлое своего народа, без чего невозможно развитие в человеке глубинного настоящего чувства Отчизнолюбия.

Солженицын и Зиновьев, в порядке назидания творческой молодёжи не уставали утверждать, что радость познания мира обязательно должна быть сопряжена с душевными страданиями, «в которых мы моем больные сердца». Об этой двойственности познания хорошо сказал в одном из своих стихотворений современный весьма одарённый поэт Михаил Фридман:

Известно всё заранее
 О жизни. И спорить надо с ней, поняв,
 Что боль познания, познания важней...

Зиновьев разделял суждения Д.С. Лихачёва о проблеме личности и власти, и считал, что совестливые порядочные люди нетерпимы к власти не как к таковой, а нетерпимы к несправедливости исходящей от власти.

Зиновьев призывал своих учеников и последователей активно проявлять гражданское мужество, не отмалчиваться, всегда высказывать своё мнение даже в случаях тупиковых, когда всё глухо, даже когда ваш голос – будет «гласом вопиющего в пустыне».

Александр Зиновьев не уставал повторять: путь делателя добра не имеет принципиального конца. Этот путь может оборваться по независящим от человека причинам, но это будет всего лишь конец жизни, но не конец пути...

Их воистину стоическая жизнь, их труды, дела и мысли ещё раз подтвердили полное ничтожество и убогость духа значительной части их современников, особенно тех, чьим хлебом было и остаётся идеологическое угодничество.

Своей жесткой, бескомпромиссной критикой советского и постсоветского общества они обосновали, пожалуй, самую насущную проблему современности: ради спасения жизни на Земле человечеству необходимо новое мировоззрение и совершенно новый тип общественного устройства, ибо все прежние и современные формы власти безнадежно морально устарели и представляют угрозу для существования всех народов мира.

Они ясно и чётко раскрыли извечную проблему отношений между личностью и властью, в основе которых лежит нетерпимость порядочных, совестливых людей не к власти как таковой, а к несправедливости, исходящей от власти.

Они первыми проявили своё гражданское мужество и указали власти её истинное место и её роль в государственно-общественном устройстве: охранять общество от всего безумного, плохого и дурного, что вредит национальным интересам.

Они до конца жизни не уставали повторять одну и ту же истину: без труда праведного и созидательного, основанного на нравственном законе, никогда не возродит могущество России и не обеспечить процветание её народа.

Здесь мне хочется подчеркнуть одно обстоятельство: Зиновьев, уйдя из жизни, оставил после себя множество учеников и последователей в области социологии и философии, создал свою научную школу; Солженицын же – никого, ни в области литературы и публицистики, ни в сфере истории философии и высшей социологии.

В последние годы жизни в Александре Исаевиче мало чего осталось от того прежнего крепкого «телёнка», который некогда бодался с дубом. Сказывался многолетний результат нездоровых обстоятельств, противоестественного положения, в котором он находился, как писатель. Одновременно с этим в нём крепло убеждение в несокрушимости новой власти, возникшей на развалинах советской империи.

Когда у него в беседе со мной зашла речь о русской национальной идее, о единении русских, он впал в крайнее возбуждение и часто повторял как заклинание одно и то же: «Анатолий Геннадьевич, Вы помните слова из одной песни эпохи застоя? «У советской власти сила велика...». Так вот, у нынешней власти эта сила крепче во сто крат прежней. У нынешней российской власти установлен тесный союз с Западом, общий бизнес и общий взгляд на судьбу России.

Наши чиновники убьют русскую идею сразу же в зародыше, они не допустят единения русских, им чужды национальные интересы россиян. Это одно, а

другое – я не вижу сегодня на политическом горизонте ни одного стоящего национального лидера и стойкого оппозиционера. Сразу же скажу: всякие попытки объединить русских в крепкое национальное ядро обречены на провал. Любое национальное общественное движение будет так или иначе ошельмовано, дискредитировано или грубо куплено властью. С ним нынешние демократы поступят так же, как недавно они поступили с «Конгрессом русских общин» генерала Лебеда. Они купили его, оставив русских патриотов в дураках».

Надо признать, что общаться с Александром Исаевичем простому человеку было непросто, ибо от всемирно известного собеседника веяло вселенским холодом и величием небожителя. Слава испортила его: простой и общительный прежде, он стал надменным и недостижимым.

Солженицын не терпел возражений, даже весьма осторожной и корректной критики, в свой адрес. В таких случаях он быстро раздражался, сердился, хмырился. Недаром, некоторые весьма авторитетные люди, которые отбывали с ним свой срок в лагере, рассказывали, что у ээка Солженицына была кличка «Хмырь», что был он там гневливым, нелюдимым и скрытным человеком.

В условиях перманентной неволи тем более трудно стать «властителем дум» и Учителем нравственности в своем Отечестве, на роль которых он, несомненно, претендовал.

По существу, у Солженицына не было своего учения, кроме знаменитого призыва к россиянам «жить не по лжи» и утопического в условиях бандитского капитализма проекта «Как нам обустроить Россию».

В этой социальной программе он, пренебрегая катастрофическим состоянием русского народа, советовал властям вторично колонизировать малолюдные территории Сибири за счёт массового переселения русских из обжитой ими европейской части России.

Многие общественные деятели и учёные, писатели, политики приняли этот проект Солженицына в штыки и назвали его антирусским, а его автора объявили «двуликим Янусом», который, будучи православным русофилом, льёт воду на мельницу либералов-интернационалистов. Например, представители Русской зарубежной православной церкви безуспешно пытались выяснить истинную мировоззренческую и политическую ориентацию Александра Исаевича: «Его сразу не поймёшь. Не то он раскольник Аввакум, не то апологет неохристианства, масон. Солженицын-христианин и смирение – вещи несовместимые». В кругу творческой ортодоксальной советской интеллигенции Александр Исаевич характеризовался как «загадочная, одержимая тщеславием и непомерной гордыней, злопамятная и всех презирающая личность, в психологии которой проявляется невероятное самомнение, подобное непогрешимости Папы Римского» (А. Г. Смирнов).

Почти вся публицистика Солженицына вызывала у русских и советских патриотов яростное возмущение. Даже его знаменитое «Письмо вождям СССР» в среде советской интеллигенции было названо ни чем иным, как «плодом сумасшедшего психопата». В его социально-исторических трудах современники отмечали нехороший, фарисейский привкус утопии, много наивной импровизации в исторических прогнозах и оценках, детских иллюзий по отношению к властителям судеб. Многих профессиональных историков раздражала его манера говорить всякий раз как бы от лица самой Истории. Деятели советской культуры не нравились его заносчивость, непомерная, нескромная самоуверенность в суждениях по многим вопросам искусства.

В такой атмосфере недоброжелательности и отторжения у Солженицына не могло быть учеников и духовных последователей. Даже став скандальным социально-общественным рупором инакомыслия в эпоху «холодной войны», и триумфатором по возвращении в демократическую Россию, Солженицын не смог стать национальным героем России, в своём роде пророком Исайей XX века.

Для меня до сих пор остаётся загадкой весьма активная причастность писателя Солженицына к одной весьма типичной фальшивке психологической войны Запада с СССР под провокационным названием «Кто автор «Тихого Дона?»»

Я с большим интересом следил тогда за ходом этой международной научной дискуссии видных учёных-славистов, лингвистов и литературоведов из ряда университетов США и Славяно-Балтийского института в Осло, статьи которых в русском переводе появлялись у нас в самиздате. Меня поражало то, что никто из учёных-литературоведов и лингвистов, использовавших тогда метод лингвистической статистики, не усомнился в авторстве Михаила Шолохова, никто не обвинил его в плагиате, за исключением одного человека – лауреата Нобелевской премии, писателя Александра Солженицына...

Чем был вызван такой некрасивый поступок Солженицына? Кто надоумил писателя таким образом «лягнуть» другого лауреата Нобелевской премии? До сих пор в писательской среде бытует мнение, что это было своеобразной мстостью Шолохову, который имел неосторожность выступить в 1958 году против Пастернака и его романа «Доктор Живаго». В связи с этим, до сих пор бытует стойкое мнение, что Пастернак никогда бы не получил Нобелевской премии, если бы не написал антисоветской книги. То же относится и к Солженицыну с его «Архипелагом ГУЛАГ».

Если это так, то можно сделать вывод, что Солженицын стал жертвой большой политической закулисной игры, что написанные им введение и заключение к книжке «Стремя «Тихого Дона» являются «заказными».

Злые языки по-прежнему утверждают, что якобы платой за эти «экспертные статьи» писателя было почётное гражданство США. В это с трудом верится, ибо для лауреата Нобелевской премии Солженицына американское гражданство, даже почётное, уже не было таким актуальным.

Кроме этого, у Солженицына, неплохо знавшего потаённую историю большевистской России, против Шолохова-человека имелись более веские аргументы, чем обвинение в грубом плагиате. Здесь имеются в виду документальные материалы, касающиеся устроенного большевиками геноцида русского народа в первой половине XX века из архива так называемой политической разведки Сталина и архива Имперской разведки графа А.Г. Канкрин.

Эти секретные архивы загадочным образом в конце 80-х годов XX века очутились в Вашингтоне и в Лондоне.

В этом так называемом «сталинском архиве» несомненную ценность для Солженицына как писателя-историка представлял блок документов под общим названием «Коминтерн против России».

Вполне возможно, что среди подлинных документов в фондах архива сталинской политической разведки было много и фальшивок, изготовленных спецслужбами на самом высоком профессиональном уровне, такое наличествует во всех архивах разведслужб, ибо без них нельзя вести успешно информационные войны, но...

Но дело об уничтожении с помощью боевых газов Кубанско-Донской казачьей армии и о зловещей роли в этой страшной истории даровитого молодого писателя Михаила Шолохова является подлинным. А посему

остаётся загадкой, почему заокеанские заказчики вместо этого документа подсунули Солженицыну другой компромат – наспех написанную диссертацию никому неизвестного автора-литературоведа.

Почему Солженицын клюнул на эту примитивную псевдонаучную поделку? Почему он не взял по своей воле на вооружение дело Харлампия Ермакова? Я уверен, что Солженицын знал об этих документах, когда писал «Август четырнадцатого» и «Красное колесо» и когда консультировался по многим вопросам с новочеркасским профессором Зайончковским, «донским историком и специалистом по геральдике». Пожелай Солженицын «отомстить» Шолохову за шельмование Пастернака, он мог бы написать такой исторический разгромный очерк по геноциду донского и кубанского казачества, который бы потряс всю мировую общественность ничуть не меньше, чем «Архипелаг ГУЛАГ».

Досталось бы всем – и самому Шолохову-гражданину и писателю, и большевистскому режиму, великому Сталину и рикошетом всем «непогрешимым» вождям СССР...

Однако Солженицын не пошёл на разработку модной ныне темы «гении и злодеи». А это значит, что он давно стал орудием тех, кто являлся в ту пору «генералами» психологической войны с СССР, стал одним из тех «полезных идиотов», с помощью которых Запад оказался в конечном итоге победителем в «холодной войне».

Профессор РУДН Степан Петрович Мамонтов, занимавшийся в последние годы жизни историей масонства новейшего времени, утверждал, что западное масонство «вело» Солженицына в нужном направлении целенаправленно, методично, изощённо, иногда так, что сам писатель и не замечал этих идеологических удил.

Историк Катакомбной церкви и дворянской усадебной культуры Алексей Глебович Смирнов считал, что у Солженицына, живущего по принципу «двойной доктрины» не было выбора. Заокеанским кукловодам из Ордена Золотого Тельца (Священного союза финансовых олигархов) было невыгодно предавать гласности дело об уничтожении Советами Кубанско-Донской казачьей армии. Почему? Да потому, что в этом деле явно проступал заговор «красных маршалов» в интересах троцкистского Коминтерна, в котором маршал и «верный троцкист» Михаил Тухачевский предстаёт как военный преступник, воевавший против крестьян-землепашцев с помощью боевых газов и полевой артиллерии.

Как бы там ни было, но это неуклюжее и бездумное участие Солженицына в травле Шолохова явилось для борца с тоталитарным режимом самой главной нравственной трагедией. Солженицын в этом плане для меня более трагичная фигура, нежели политический «отщепенец» Зиновьев.

Вчерашний борец с дубом тоталитаризма оказался жертвой политической гнилой осины. Увы, и не такое случается. Известно, что политика – нечистоплотная и заразная дама лёгкого поведения. Большому писателю, поэту и художнику опасно иметь с ней дело – обязательно запачкаешься.

В конечном счёте, Шолохов и Солженицын, оба стали жертвами этой циничной блудницы в белых одеждах. Атеист и коммунист, «верный ленинец» Шолохов стал страдать хроническим творческим бессилием и бытовым алкоголизмом, а полный трезвенник, король диссидентов и «Нави» - Мессия, «святой подвижник и совесть человечества» Солженицын превратился в божевольного затворника с веригами бесплодного умствования, отринутыми носителями российской буржуазно-приблатнённой культуры повседневности. Это оказалось той платой, которую берет с одарённого человека блудная Высшая политика за славу, величие, власть и богатство...

В советской и постсоветской России Солженицын не воспринимался как выразитель дум и чаяний народа. На Западе, за его жёсткую критику тамошней демократии, Солженицына до сих пор считают «опасным фанатиком и полупомешанным примитивом».

Двойственность характера Александра Исаевича, его двоемыслие, иногда плохо скрываемая гордыня и показное смирение, стремление оправдать то, что оправданию не подлежит, отразились в его творчестве и научных исторических трудах, которые с одинаковым успехом для себя может цитировать любой исследователь, независимо от своих взглядов и убеждений.

Русофил и русофоб, сионист и антисемит, ортодоксальный коммунист и антисоветчик, монархист и анархист, масон и православный христианин найдёт в сочинениях Солженицына «нужную» на данный момент доказательную базу и «авторитетное» обоснование своих утверждений.

Но несмотря ни на что, для меня до сих пор авторитетом является именно «ранний Солженицын», писатель-борец, который первым бросил вызов неодолимой силе Зла, автор повести «Один день Ивана Денисовича» и документально-публицистического романа «Архипелаг ГУЛАГ».

Да, мне всегда не нравился тяжеловесный, порой натужный, надуманный язык его произведений, его любовь к неологизмам. Но я всегда преклонялся и преклоняюсь перед его гражданским и писательским подвигом, в результате которого мы узнали всю правду о главных засекреченных трагедиях советской истории.

На фоне суровой ауры Солженицына от облика Зиновьева веяло светлой приветливостью, доброжелательностью и готовностью всегда дать добрый совет. Александр Александрович явно обладал светлой харизмой доброго наставника и мудрого Учителя. Сказывались здоровая наследственность крепкого духом и телом деревенского парня, многолетняя научная работа, профессорско-преподавательская деятельность и, конечно же, открытость и необычная коммуникабельность.

Зиновьев никогда не скупился на объективную похвалу, с готовностью поддерживал любой стоящий, перспективный, по его мнению, проект или идею. Он не был завистлив. Зиновьев категорически не переносил как завистников, так и льстецов. Он отдавал должное творчеству Солженицына, но ему не нравились в «Правдеце» ревнивое отношение к успехам своих братьев по перу и тот холодный, расчётливый подход к людям, которые, иногда рискуя своей жизнью, доверялись ему...

Они ушли, и на душе стало сиротливо и холодно, ещё пустыней, чем прежде. Нами овладела тоска особая, многовековая, античная тоска, которая по закону биологического конвейера и равновесия природы наступает накануне крушения цивилизации. Серая жизнь как сон серых мышей, и жизнь как кровавый пир юрких, алчных хорьков в неохраняемом курятнике...

Что там впереди, за «ветхой занавеской тьмы»? Может, то же самое, что и здесь, за Храмовой стеной, в тени олив и на городской площади, где торгуют чесноком и телом?

Но может скоро кто-то из нас встретит их в Храме, или здесь, у олив за Храмовой стеной. И тогда будет сообщена итоговая жирная черта под жизнью каждого из нас, и тогда наступит суд, Страшный Суд над самим собой. И тогда воздастся нам Возмездие, свершится всеобщее Покаяние в слабой надежде на прощение когда-нибудь в мгновенной Вечности...

4. Когда умрёт последний русский. (А.А. Зиновьев о судьбе русского народа.)

Вот как ответил в ноябре 2001 года А.А. Зиновьев на мои вопросы, касающиеся духовно-нравственного состояния русского народа и его будущего как этноса.

"Деградация русского народа происходит по вполне реальным причинам социального характера.

Главная из этих причин – антикоммунистический переворот в горбачёвско-ельцинские годы, насильственная западнизация и реанимация явлений дореволюционной России, включая православие.

Единение русского народа по этническому признаку не имеет в современных условиях серьёзных шансов на успех.

Возникновение русофобии произошло в силу исторических условий и характера русского народа, а также преднамеренных усилий со стороны сил Запада и внутри российских сил, на протяжении всей истории России так или иначе стремившихся занижать русский народ.

Как социолог я думаю, что организация русских общин и возрождение дореволюционной системы местного самоуправления не изменит положения этнических русских. К тому же это практически невозможно реализовать – правящие силы России не допустят этого, а сами русские вряд ли будут настойчиво и последовательно бороться за это.

Народ и нация – не одно и то же. Речь идёт о русском народе как этническом явлении. Он раздроблен, можно сказать – атомизирован.

Я думаю, что наилучшие условия этнические русские имели в советские времена. Тогда они за счёт большой массы и природных способностей (интеллекта) стали играть всё более возрастающую роль во всех сферах жизни. Теперь эти возможности потеряны. Русские умышленно отброшены назад и направлены по пути дегградации и даже физического вымирания.

С русскими делают нечто подобное тому, что сделали с индейцами в США, только в больших масштабах.

Для осознания себя в качестве нации народ нуждается в подъёме, в успехах, в гражданских и духовных лидерах, чего нет сейчас и, вряд ли, предвидится. На пути дегградации и вымирания никакая национальная идея не может поднять народ на уровень национального самосознания.

Я вообще не верю в намерения и в способность постсоветской государственности делать какое-то добро для русских. А что касается квалифицированных русских из стран СНГ и дальнего зарубежья, то даже те русские силы, которые ещё сохранились в нынешней России, не могут быть использованы должным образом.

Русский народ вырождается биологически. Россия наводняется представителями других народов, занимающих более выгодные позиции по сравнению с русскими. **Пройдет немного времени, и Москва перестанет быть этнически русским городом.**

Правящие силы страны не делают ничего значительного, чтобы остановить этот процесс. Так что слово «опасность» тут слишком слабо отражает реальность, ибо на деле она уже реализуется.

Партия есть явление политическое, а не этническое. Организация же или движение с этнически русской направленностью (ориентацией) не найдёт сильной поддержки снизу, зато вызовет бешеную вражду сверху (со стороны правящих сил и их идеологов) и со стороны Запада, который **манипулирует российскими властями и идеологами.**

Чтобы выражать и проводить в жизнь русские национальные интересы требуется делать нечто глубокое и значительное, чем эти интересы, так чтобы эти интересы удовлетворялись как следствие, а не как самоцель. Это и делалось в советские годы. Только не так быстро и масштабно, как хотелось

бы. На решение такой проблемы нужны века, а не несколько десятков лет. Но этот процесс был искусственно оборван. И теперь решение этой проблемы зависит от совокупности факторов глобального и эпохального масштаба, а не от локальных сомнительных мер.

Новая общность советских людей действительно была. Но это – не народ, если под народом понимать определённое этническое образование. Это – другой тип человеческого объединения. В него включались различные народы, в их числе и русский народ. В менталитет советских людей включались такие черты, которые вырабатывались у представителей разных советских народов под влиянием опыта жизни в условиях советского социального строя, советского воспитания и образования, советской идеологии.

Что же касается ассимиляции евреев с русскими, то она идёт давно. Однако это не является для русских спасительной панацеей, они дальше будут вырождаться. Кстати, эта проблема глубоко волнует и нашего Правдеча и Пророка (Солженицына), который, по-моему, и решил с этой целью написать книгу «Двести лет вместе». Одного не понимаю, зачем ему это нужно?

Вы спросили меня, когда умрёт последний русский? Сегодня в российском обществе произносить слово «русский» считается плохим тоном. В средствах массовой информации я неоднократно слышу явно русофобские высказывания типа: «Русские люди? Это кто такие? Разве есть такой народ?». Я не знаю, когда умрёт последний русский человек, но если нынешняя антирусская политика будет продолжаться ещё семьдесят-восемьдесят лет, то русский народ исчезнет в конце двадцать первого века. Он растворится в многомиллионных толпах инородцев, которые станут к тому времени полновластными хозяевами русских территорий, то есть русские исчезнут тихо и незаметно, как исчезли когда-то грозные гунны и половцы...».

I. ЗА ХРАМОВОЙ СТЕНОЙ

Сретенье

Цепенеет воля, замирает,
На две части сердце рассекает
Звёздной птицы острое крыло.
Как судьба над миром зависает,
Над лесной поляной НЛО.

Что же это всё-таки такое? –
Или глаз усталых миражи,
Или состояние покоя
Бесконечно алчущей души,
Где абсурд и бред воззрений Сартра
Стали фактом, чувством и мечтой?
Может, это снится моё завтра,
Жизнь, ещё не прожитая мной?
Или встреча с прошлым, где на карте
Был отмечен выход в мир иной –
Моя встреча с Ним в начале марта
У олив за Храмовой стеной?...

Замирает, сердце замирает,
На душе тревожно и светло.
И Судьбой над миром нависает
То, что Будет, Есть и что Прошло...

Красивый седой исполин
Сжимает гранитную глыбу
И мнёт её как пластилин.

Меняется свойство породы –
В ней атом зародышем стал,
И кремний, дыша кислородом,
Рождает волшебный кристалл.

Материя косная воеет,
Меняется ряд величин,
Кружатся встревоженным роем
Эскизы эфирных личин.

Становятся зримыми Числа,
Являя божественный код
Органики нежной и кислой –
Тяжёлой любви приворот...

Горячая масса в истоме,
Ей новая явлена суть –
Кто прежде блаженствовал в дрёме,
Тот встал на рискованный путь.

Доктрина бессмертных

Когда мой бог
 В Материю упал,
 Он встал с колен, зевнул
 и улыбнулся,
 И я, который в мезозое
 спал,
 С улыбкой бога
 Личностью проснулся.

Ещё клубится
 нереальный сон,
 Ещё размыты контуры
 предметов,
 И жизнь химер
 как нездоровый сон,
 Но мысль уже витает
 над планетой.
 Дракон и Змий,
 семь Тайн,
 три вида Света,
 Земной оси
 чудовищный наклон,
 Разумный план,
 горит огонь духовный,
 Творец-Создатель,
 Демон и Брамин,

И богочеловек пока
 в животной форме –
 Полулатентный, вялый
 андрогин...

Когда в предметно-разделённый
 мир
 Мой дух попал как муха
 в паутину,
 Предстала вдруг нелепая
 картина:
 Поют хвалу
 тупому бабуину
 Кентавр и Сфинкс,
 Русалка и Сатир;
 Чудовища ворочаются
 в тине,
 Драконы реют

грозно в небесах,
Тираннозавр в кустах
сжирает сына,
В сердцах зверей
растерянность и страх...
Прообразы рождающего
Мира,
Потоки лавы,
искры и огни,
Царящие на Лемносе
кабиры,
Рождённые утробой
Земли.

Эфирный образ
человеком стал,
Когда Творец резец впервые
взял
И в первый раз Материи
коснулся
Полмиллиарда лет тому
назад,
В эпоху зарождения
монад,
Частичек Духа, отданных
богам,
Правителям-создателям,
жрецам...

Ещё в раю не возлежал
Адам,
А райский сад был никому
не нужен,
Полярный круг ещё не ведал
стужи,
Гигантский хвощ
тянулся к небесам
И декаденты шлёпали
по лужам...

Когда мой бог
за горизонт ушёл,
За горизонт космических
событий,
Я для себя занятие
нашёл,
Создав бюро гипотез
и открытий.
И вспомнил всё,
что в долгом сне забыл,

Труды ума избавили
от скуки,
На всё способны стали
мои руки,
И бог меня за всё
вознаградил:
Он дал возможность мне
преображаться,
Переживать мучительное
счастье
От юных дней до старческих
седин, –
Я стал творцом, вчерашний
андрогин!

Когда мой бог
в Материю упал,
За перелеском громко
ойкнул кто-то,
Увидел Некто:
в смрадное болото
Упал с небес
магический кристалл,
И в тот же час
кровавый дождь пролился,
Адам-Кадмон
на битву с миром встал,
И от души впервые...
прослезился.
А бог войны всё чаще
хмурил брови,
И люди снова брались
за своё,
Земля лакала
океаны крови,
От сладкой крови
корчило её...

Когда мой бог
вital среди светил,
У чёрных дыр,
где свет печально гибнет,
Я на Земле культ личности
творил,
Ещё не зная,
что меня постигнет...
Я жизнь творил,
законам вопреки,
Как хрупкий лёд,
ломал материки
И раздвигал
базальтовые плиты.
Я всюду строил

Храмы-мegalиты,
 Я Сущим стал,
 который был везде,
 Константой стал
 в космической среде...

Я изменял природу тьмы
 и света,
 Я замедлял вращение
 Планеты,
 Фотон свободный стал
 послушен мне,
 Я расщепил неразделимый
 атом,
 Шпицберген сделал я
 цветущим садом,
 Гиперборею раем
 на Земле.
 Я породил
 арийцев-великанов,
 Я бросил вызов
 Солнцу и Луне,
 Я стал царём,
 Отцом великих ванов,
 Сыны богов прислуживали
 Мне.
 В эпоху камня
 Я родил вождей,
 В эпоху бронзы
 доблестных мужей,
 А в беспощадный век
 железный
 Я породил
 душевные болезни...

Я бросил вызов
 Солнцу и Природе.
 Когда я сам
 в Материю упал,
 Я под собой
 разрушил пьедестал,
 Когда родил
 лукавые народы
 И стал таким
 как демон Велиал.
 Я сам себя лишил
 волшебной силы,
 Когда свой дух
 с материей связал
 И лёг на дно
 медлительного Нила.

Остались на Земле

мои следы,
 Творения, овеянные
 славой;
 Как памятник
 безжалостной судьбы
 За мною вьётся лентой
 след кровавый.

.....

Я говорю:
 «Фанатикам не верьте,

Фанатиков пестуют
 злые черти,
 Фанатиков рождает
 главный бес,
 И душу убивающий
 Прогресс.
 Я не алкал в Материи
 бессмертья,
 И буду жить всегда,
 Но я сегодня мертв.
 Не будем говорить сейчас
 о смерти,
 И тех напрасных
 мириадах жертв.

Пронзив пространство
 радиоволной,
 Творец забросил сети
 в бесконечность.
 Он смотрит в даль,
 в таинственную вечность,
 На горизонт
 за Черную Стеной.
 За той Стеной
 все могут разместиться,
 Там наши души
 будут робко ждать,
 Тот час, когда сумеют
 воплотиться
 И получить от Бога
 благодать...

Последние атланты
(Откровение от Платона)

Брёл караван пустынею Кумрана,
Верблюд-вожак нас гордо вёл вперёд,
На мне нагрудник был, на нем халатик рваный.
Был девять тысяч сто девятый год.
Мы знали: быть всемирному потопу,
Покроет сушу бурный океан,
И Африку, и Азию, Европу,
Эльбрус, Килиманджаро и Монблан.
Мы знали всё, но сдвиг планет не знали,
Момент, когда взорвётся Фаэтон –
Жемчужное зерно богини Кали –
Капризный, своенравный позитрон.
Подул хамсин – противный, резкий ветер,

Он превращает свет в сухую мглу.
 Суровый Рок тогда нас всех отметил
 И превратился в жёлтую пургу.
 И проводник сказал, что впереди нас туча,
 Нам нужен грот, пещера и привал...
 Но я в таких делах давно научен,
 Я понял вдруг, – грядёт «девятый вал».
 Стена воды вздымалась над пустыней,
 Закрыв собою мглистый небосвод.
 Вокруг гиены плакали и выли,
 А мы со лбов стирали красный пот.
 И таяли божественные силы...
 Под крик жреца: быстрее, быстрее, быстрее!
 Свои секреты мы в базальт забили
 И превратились в диких голубей...

Скрывает мгла желтеющие дали,
 На свалке мира жизнь тяжела
 Для тех, кто даже плесень убивали.
**Невежество – вот ваши удила:
 Ведь всё, во что вы верили, мы знали!**

Мотив разочарования

Чем живём – всё это было
 У дольмена в дельте Нила,
 Где дремал висячий сад
 Нас неистовая сила
 Соблазняла и крутила
 Все шесть тысяч лет подряд.
 Там лежал под мегалитом
 Авель Каином убитый,
 Был в ту пору неприкаян
 С повреждённым сердцем Каин.
 Но земля его носила,
 И был Каин крови рад,
 Ибо в братской крови сила,
 А где сила, там и власть,
 Нет греха, есть только страсть,
 Чем живём – всё это было,
 Как шесть тысяч лет назад.

Под холодной стратосферой,
 Над погубленной землёй
 Завтрак-ужин с Агасфером

И за чаркой спор незлой
 О законах Гераклита,
 Об арийских письменах,
 О чудесных свойствах жита,
 О священных трёх хлебах...

Завтрак-ужин с Агасфером.
 Ночью светлой в чёрный день
 Убивает Каин Веру –
 О России думать лень...
 О России плакать поздно:
 Уничтожен третий Рим –
 Постарался Ванька Грозный
 И Расстрига иже с ним...

Завтрак-ужин с Агасфером,
 Съеден камень, выпит яд,
 Пахнет серой, пахнет серой,
 Как шесть тысяч лет назад.
 И напрасно высшей мерой
 Боги Каину грозят.

Вся жизнь моя –
 Сплошной вопрос,
 Недоумение сплошное:
 Как проросло
 Зерно гнилое,
 Росток тщедушный
 Как пророс
 В жестоких битвах травостоя,
 Где побеждает всех пырей?

Что наша жизнь? Только пена
 Среди космических лучей,
 Где в сжатых дланях Полифема
 Всё предназначено для тлена.
 Зачем ольховое полено
 Так страшно больно и светло
 Ростком наивным проросло?

Всё так бессмысленно жестоко,
 И так рассчитано на смерть:
 Ничто нельзя предусмотреть,

Всё так зависимо от Рока
И безнадежностью полно,
Что не играют роли сроки
Где нет истории давно,
Но есть История Вселенной,
Сплошное чёрное пятно.
Нам неизвестно, где истоки,
И где есть жизненный проток.

На угли брошено полено –
От жара ёжится росток...

Голос

Когда роса осоку к долу клонит,
Когда плывёт в туманах старый скит,
Я слышу, как душа над сердцем стонет,
И Голос мне в затылок говорит:

– Не миновать грядущие напасти
И не найти ночлег в конце пути,
Не испытать надуманного счастья
И от утрат грядущих не уйти.

Тебе бояться мира не пристало:
Тебя уже никто не победит.
Иди вперёд, во что бы то ни стало,
Как гриб расти, раскалывай гранит.

Пойдут в помол базальтовые скалы
Под жерновами духа твоего –
Иди вперёд, во что бы то ни стало,
Иди вперёд, и больше – ничего!

Когда твоё дыханье прекратится,
Исчезнет плоть, ты все равно иди!
Душа взлетит как раненая птица –
То будет смерть, но не конец пути...

У камина времён

Шёпот пламени в старом камине.
А вокруг только холод и тьма,
Ледяная, глухая пустыня
Как реальность безумного дня.

Среди гор ледяных и торосов,
Среди ангелов, впавших во Тьму,
Не возникнет ненужных вопросов:
«Кто виновен? За что? Почему?»

Всё изжито и всё пережито,
Переварено в прошлом давно,
Как шумерское древнее жито,
Как прокисшее в чане вино.

Как вчера, так и ныне и присно,
И навечно, во веки веков,
Не познать нам божественных истин,
И не сбросить телесных оков.

Мы как в битум в Материю впали,
Закоснели, застыли и нам
Никогда не изведать печали,
Той печали, присущей Богам.

На одной из Вселенских окраин,
Где в материи гаснут Огни,
У камина отверженный Каин
Греет дряблые руки свои...

В тени олив у вод Геннисарета
Мне тихий ветер внятно прошептал:
«Не ты один на всё искал ответа,
Не ты один о помощи взывал.
К чему взывать, когда с тобой Я рядом,
Когда Я стал давно твоей судьбой –
Здесь у костра, за Гефсиманским садом,
Где резво дети плещутся водой;
И в белой тундре за Полярным кругом,
У белых скал коралловых морей –
Всегда тебе Я был надёжным другом
И крепкой мышцей – верю твоей.
А вас таких, как звёзд на чёрном небе,
И каждый за себя Меня просил,
И лишь один с ума сошедший ребе
Мне пожелал набраться больше сил.
Садись к столу у той нависшей глыбы,
В мехах вино селения Гевим,
Горит костер, на нём печётся рыба.
Сойдутся гости. И поговорим.
Спеши к столу, уже темнеет небо,
Боюсь, что званых всех не причастим...
Разлей вино и разломи все хлебы,
Ну а потом с тобой поговорим».
И сколько дней на пир гостей мы ждали,
То столько лет сидели мы вдвоём –
Никто не шёл к надёжному причалу
Чтоб посидеть за благостным столом.
О Вечном думать гостям не пристало,
Они живут заботой о земном.

Угас костёр, в углях сгорала рыба
И пахло прокисающим вином...

Иван Грозный

Я убивал, чтобы меня любили,
Любили больше брата и отца,
И в той любви самих себя гноили
И преданы мне были до конца.

Рабы меня изменой погубили,
И что ещё для них я сделать мог?
Ведь сколько им голов ни отрубили
Они не поняли, что я – их Царь и Бог.

Памяти Варлаама Шаламова

Есть жизнь и смерть,
Где точка – пуля,
И... размышлений никаких:
В лицо направленное дуло
Сметает их.
Сначала мыслей круговерть,
Потом хлопок – и всё застыло,
И стало всё, как прежде было,
И нет сжигающих страстей
В самом начале,
Когда тебя ещё зачали
В снегах колымских лагерей.

Убить сумеет и берданка
В затылок, в спину и висок,
Когда на поле спозаранку
Ты подбираешь колосок,
И хлоркой мытая Лубянка,
За дневниковый твой листок...

О, как бы был доволен Бог,
Чтоб, наконец, Его избавил
Я от мучительных тревог
За этих тварей «чистых правил»,
Где миром лишь безумцы правят,
И каждый мнит, что он есть бог.

Банальный вопрос

Мир бессмертный дышит величаво,
Ибо Ты, Господь, его Творец –

Ты грядешь в своей великой Славе,
Ты – начало мира и конец.
Бог бессмертный смерти Победитель,
Дух Вселенной, Свет и естество,
Ты – защитник мой и мой Спаситель
Благодати вечной Торжество!
Боже и Создатель сего мира,
Взор свой осиянный обрати,
Через линзу звёздного эфира
На своё творенье посмотри!

Человек подобен дуновенью,
Жизнь его – бледнеющая тень,
Жизнь его – туман без просветленья,
Как шалаш его мирская сень.
Всё сгорает в жизненном пожаре,
В тучах пепла не видать ни зги –
Помоги, Создатель, своей твари,
Господин Вселенной, помоги
Избежать глобального Обмана,
Фарисейства, подлости и лжи! –
Где, Твои духовные титаны,
Где, Твои пророки и Мужи,
Словом, разгонявшие туманы
От спасенья жаждущей души?

И сказал Господь мне: "Ты не бойся,
Видишь, как бунтуют камыши,
В этом новом, водном обустройстве,
Видишь, как бунтуют исчезая
Жабы высыхающих болот,
Только ты, себя преображая,
Сможешь сам достичь своих высот".

Банальный ответ

Посмотри, Господь, как я бесплоден,
Жизнь моя – зловоние и смрад.
Кто сказал, что я Тебе подобен,
Кто сказал, что этому Ты рад?
Я – потомок грешных поколений,
В зеленях озимых вредный сор.
Грешен я, и нет мне искупленья,
Я – стыд мира, ужас и позор!

Жизнь моя – туман без просветленья,
Черета бессмысленных годин.
В чём, Господь, моё предназначенье,
Почему в пустыне я один?
Я бреду по выжженной дороге
Среди русских вымерших равнин...
Ну, зачем, скажи, Тебе убогий,
Нищий духом нищий славянин?

И Господь изрёк мне из рябины:
"Прах земной, молчи, угомонись.
Беспредельны все Мои глубины,
Чтобы в них погибнуть и спастись.
Аз есмь Сущий, Альфа и Омега,
Аз – огонь, пылающий во тьме,
Ледяной огонь белее снега,
Во Вселенной нет подобных Мне"...

Вопль о спасении

Живьём зарыли
Меня враги.
Господь Всесильный,
Мне помоги!
К Тебе взываю:
Господь, спаси!
Врагам вольготно
Жить на Руси...

Здесь всё безвидно,
Здесь – пустота.
Здесь пир на тризне
За счёт Христа.
Живые трупы,
Чужая твердь.
Здесь зло и тупо
Лелеют смерть.

К Тебе взываю,
Себя кляня:
Творец Вселенной,
Спаси меня,
Друзей и близких,
Кто во грехе,
Кто в Магомете,
Кто во Христе.
Спаси Россию, её селян.
Спаси хамитов,
Спаси семитов,
Норманнов, чукчей –
Иафетян,
И вместе с ними
Спаси славян!

Вопль восхождения

На Земле как прежде нет надежды.
Разум спит, душа Тебя не слышит.
На Земле всё так же, как и прежде,
О спасенье нечего мечтать:
Царедворец летописи пишет,
Мудрых продолжают убивать...

Задушу в душе своей паяца,
Изведу товарищей пустых,
Перестану всех и вся бояться –
Червь слепой – я буду рад валяться
У ворот обитателей святых,
Вместо хлеба глиной пробавляться
В ожиданье тучек дождевых...

Стану прахом, буду легче пуха
Над кипящей лавою лететь,
Ниспошли, Господь, Святого Духа,
Помоги, Господь, Тебя узреть,
Помоги узреть Огонь бессмертный,
И в Тебе, как атом просветлеть...

День последний

Борису Михайловичу Бим-Баду...

Есть предел немислимым мученьям.
Подведён итог сгоревших лет
В день последний. Завтра – воскресенье,
Завтра будет праздничный обед.
Посмотри, Господь, как подобтели
В круге первом алчущие звери –
Им такой обед необходим
Для утроб, не чувствующих меры...

Что должно случиться, то случится –
Бытия поток неповторим,
Но вопрос назойливый стучится:
"Почему за правду и за веру
Для утроб, не чувствующих меры
Вдруг попал в ошип Твой серафим?"
Посмотри, как под убогой сенью
Соблазняют все его спасеньем,
Утешают именем Твоим...

День последний. Рок неумолим –
Звонко звякнет ключ в железной двери,
Всё случится быстро, без затей,
И никто не охнет от потери
Одного из лучших сыновей...
У порога временем истёртым
Буду выть у запертых дверей:
"Чаю воскрешения всех мёртвых –
Высшей сути Истины Твоей"!

Из глубины глубин
(На псалом царя Давида)

Я, жизнь свою сгоревшую итожа,
Из глубины глубин взываю к Тебе Боже!
Услышь, Господь, ничтожный вопль,
Глас сердца моего отчаянный и злой.

Ты видишь, как враги меня теснят,
Моих друзей укладывают в ряд,
Не зарывая в братские могилы...
Даруй, Господь, ещё немного силы –
Мне помощи! И мышцею Своей
Врагов как гнус над водами развей!
Вдохни Свой Дух в тщедушного раба,
Ты знаешь, как душа моя слаба –
Мне с нею не войти в Твою обитель,
Мой крепкий Бог, Господь мой и Спаситель!
Ты видишь, духом немощен и слаб
Посланник твой, Твой блудный сын и раб...

К Тебе стремлюсь я выйти на простор
К подножию Твоих небесных гор.
Уж близок час, час моего спасенья –
Иных миров я вижу отраженье,
И слышу отзвук ангельского пенья...
Оковы сброшены. Я жду преображенья...

Зачем иная жизнь, когда я глуп и слаб?
Глупец самонадеянный, да разве я достоин,
Чтобы войти к Тебе? Как не слуга, не раб,
А как на всё способный, храбрый воин?
И разве воин я, когда врага любить обязан,
Когда я этой заповедью связан,
Не в состоянии так жить и умирать,
Не зная, для чего меня рожала мать,
Я не могу понять всю эту круговерть:
Скажи мне ясно: где тут жизнь и смерть?

На краю суровой ойкумены

Я ходил по городам и сёлам –
При слепом пророке поводырь.
Я мечтал, что старец своим Словом
Приведёт к молитвам грешный мир.

Сотню лет бродили мы. И что же?
Мне вдруг стало стыдно за людей,
Чьи повадки очень даже схожи
С хищной сутью вымерших зверей.

Понял я, стреляет старец в небо:
Стрелы слов пронзают пустоту –
Люди алчут праздности и хлеба,
Люди ищут истину не ту...

Сладок мир иллюзий и обманов,
«Золотые сны» земных владык
На вершине спящего вулкана
Для того, кто думать не привык.

Понял я, что сердце моё стынет,
Что и я, как все, не исправим,
И повёл пророка я в пустыню,
Сатанинской ересью томим.

Тяжек груз обмана и измены,
Смраден груз накопленных грехов
На краю суровой ойкумены
В океане стонущих песков.

И впервые я солгал пророку,
Я сказал, что множество людей
Притекло к нему сюда до срока,
Чтобы знать об участи своей,

О своём узнать предназначенье,
О своём бессмертии узнать
Через смену многих поколений
Всех святых несущих благодать...

А вокруг стада камней лежали,
Между ними ветер прах носил
И стихал у наших ног устало...
И тогда пророк заговорил.

Словно гром слова пророкотали,
Словно кто-то небо разорвал,
Словно пробудился Кракатау
И на брег погнал «девятый вал».

И случилось чудо: озарились
Лбы холмов чернеющих пустынь,
И ожили камни, пробудились,
И сказали камни нам: "Аминь!"

Самая страшная притча

Памяти протоиерея Вячеслава (Резникова)

В моём доме завелась змея,
С нею богатеть я стал в себя
Богатеть в себя, увы, не в Бога.
Приносила мне она червонцев много...

Но ужалила однажды в ногу
Эта гадина любимого коня.
Конь издох. И горько плакал я...
А потом решил: "Сейчас убью
Эту подлую зловредную змею!"

В тот миг же ко мне вползла змея,
Царскими червонцами звеня:
"Ты коня вовеки не вернёшь,
Если ты сейчас меня убьёшь.
И что проку – благодетеля губить?
Лучше нового коня себе купить".

Отложил я в сторону тесак,
Уползла змея на свой чердак.

Но ужалила жену мою змея.
Умерла она, и горько плакал я.
И решил, что обязательно убью
Эту злую и ревнивую змею.
В тот же миг вползла ко мне змея
Золотой валютою звеня:
"Положи на место острый нож,
Всё равно жену ты не вернёшь.
Ты же умный, не какой-нибудь дундук,
Наполняй деньгой ещё один сундук!"

Что потом случилось – ой-ё-ёй! –
Умер сын, ужаленный змеей,
Умер сын –кровоночка моя –
Ну, теперь не жить тебе, змея!

А змея с деньгами тут как тут:

"Сына нет, – но деньги в дом плывут.
Ты же умный, не какой-нибудь дундук,
Наполняй скорей ещё один сундук!"

А вчера, вчера в начале дня
Эта гадина ужалила... меня!
Ночь прошла в горячечном бреду:
"Если оклемаюсь, то... убью
Эту подколенную змею!"

Оклемался утром и опять
С тесаком пошёл змею искать.
А змея с деньгами тут как тут –
Деньги снова в сундуки мои текут...

И опять ползёт, ползёт к моим ногам змея,
Червонцами чарующе звеня...

И тесак в кусты забросил я...

Ломоносовский тракт

Мы живём в расстрелянной деревне,
Здесь всё так, как сорок лет назад:
Здесь качели виснут на деревьях,
Плодоносит яблоневый сад.
На крылечке солнышком согретом
Под ногами старые газеты
О Ежове «доблестном» шуршат.
На столах застыли самовары
И стаканы грязные стоят.
Не допили чай свой, не допили
Поселенцы с Дона, кулаки,
Их чекисты на корню сгубили,
И зарыли скопом у реки.

Поселенцы жить, как все хотели,
Как их предки двести лет назад.
Догнивают детские качели,
Плодоносит яблоневый сад...

Видение

Ты видишь девчонку,
 Тонкие ножки,
 У ветхой сторожки,
 На пристани сгнившей
 На том берегу?
 Близ Княж-Погоста,
 Где жил я немножко,
 Лет, эдак, восемь
 В глубоком снегу?
 Моет девчонка тонкие ножки
 Там, у сторожки, на том берегу.
 Мне жалко девчонку,
 Подростка-сосёнку,
 За то, что течёт в ней
 Славянская кровь:
 Отправили маму
 В глухую сторонку,
 В гнилые бараки
 Под лагерный кров.
 Кто папа девчонки,
 Поди, отгадай:
 Микула-крестьянин,
 Мамай-вертухай?
 Не важно! Не важно!

А важно, что вижу

Я Деву-Россию на том берегу!

О, друг мой, ты молод,

И молод вполне,

Ты мог бы добраться
 На утлом челне
 К девчонке-России
 На том берегу...
 Ты можешь, ты можешь,
 А я не могу...

У тихих вод

У тихих вод поток времён
Струит по лунным фазам,
И нет фамилий, нет имён
И не вмещает всех нас Разум.
Мы безымянные. Нам нет
Во тьме Вселенной места:
Пусть гаснет животворный свет,
И возникает Продолжатель чести
Былых мифических времён.
А мы останемся на месте
Своих условленных надежд,
Своих условленных понятий
Средь торжествующих невежд
И обнаглевших автократий.
Мы – русские. У тихих вод
Уходит в ил простой народ...

Памяти философа Зиновьева

Как сегодня вечер тих и светел,
И тоской отчаянной томим
Над купиной этих грустных ветел
Соловьём разлился серафим.

Он поёт о том, что всем известно
И о том, что неизвестно всем,
О насущном хлебе, хлебе пресном,
И о том, как выжил Вифлеем.

И о том, что нет на свете грешных,
Разве грешен мелкий муравей?
Льётся песня чудная неспешно
И тоскует мудрый Моисей.

Знает он, что муравей ничтожен,
Муравей для государства жил.
Человек будет уничтожен,
Человек это заслужил...

Страсти по Моабиту

Жизнь без вкуса, запаха и цвета –
Ляг в могилу и перекрестись...
Всё безвидно, как в начале света
И никак на свете не спастись.
Я подстрелен был советским строем
Буржуазной властью был добит.
Я теперь ночами горько вою:
"Будь моим спасеньем, Моабит!"
Я добит безрадостной Россией,
Где чужие люди правят бал,
Истощают жизненные силы
И куют на этом капитал.
Я убит давно жестоким бытом,
Где-то там, под Китежем, убит,
Где дороги к Богу перекрыты,
Где душа с душой не говорит,
Где о воле мне поёт синица,
Где лесной мне лагерь часто снится
И тюрьма в Берлине – Моабит.
Мне сказал однажды Солженицын:
"Моабит – добротная темница,
Как оплот, защита и как твердь,
В ней от жизни зэку можно скрыться
И в усталой дрёме умереть".

Кремлёвская символика

Символ Неба жизнью управляет,
Он – судьба, пророчество и рок
Для того, кто в жизни выбирает
Добродетель, зло или порок.

Я смотрю на звёзды этих башен,
На семейство жёлтых куполов –
Симбиоз двух символов ужасен,
Но ещё ужасней вид орлов,
Двухголовых выродков природы,
Воспалённый бред больных мозгов...
Кто отец чудовищных уродов –
Сумасшедший царь или Монгол?
Кто из них насильник? Кто Мессия?
Кто поял славянскую Россию,
Испоганил наш цветущий дол?

Невозможно этой хищной птице,
Как другим, охотой прокормиться –
Ей дают уморенных рабов
Блудники от власти и блудницы,
Кто гнести народ всегда готов.

Я, конечно, умер раньше срока,
Я уже давно здесь не живу,
Но стрекочет яростно сорока
Мне о том, что скоро я умру.

Не боюсь я смерти, уж поверьте,
В чаще жизни мрачной и пустой
Своё сердце я доверил смерти –
Этой правде чистой и простой.

На берегу Евфрата

У реки извечной, быстротечной,
У времён текущих как вода
Я сижу и плачу безутешно,
Как вдова распятого раба.

Мы сидим у берегов Евфрата,
Плачем горько, нет прощенья нам –
Мы вчера властям заклали брата,
Чтобы как-то угодить врагам,

Чтобы выжить как-то самым хилым,
Самым умным людям на Земле –
Сколько нужно храбрости и силы
Чтобы я сумел помочь тебе...

Я сижу на берегу Евфрата,
И молюсь, и плачу, и скорблю –
Я в любом из вас увидел брата,
Я любого преданно люблю.

Под лучами красного заката,
В благодати Бога самого
Я сижу на берегу Евфрата...
Тихий вечер. Рядом – никого.

Старуха

В душах наших полная разруха,
В головах идейный винегрет.
По ночам безумная старуха
Нам готовит праздничный обед.

Любим мы ночами веселиться,
Растлевая за ночь сотни душ.
Не пора бы из Москвы и Ниццы
Нас отправить в дикий Гиндукуш
На расправу яростным талибам,
На работу рабскую в горах?
Мы забыли про свою погибель,
Перед Богом безотчётный страх.

По ночам безумная старуха
Из «соломки» варит внукам квас.
В наших душах полная разруха –
Бог без нас спасти не может нас...

О юдоли поэта

Михаилу Фридману

Над миром неслась небывалая песня,
Но кто её пел никому неизвестно.

Та песня была не про то и не это,
Та песня была о судьбине поэта.

Та песня была о несчастной душе,
Которой страдать невозможно уже...

Та песня звучала не там и не где-то,
Та песня неслась над землёю поэта,

Который от света безумно устал
И спрятался в тесный, глубокий подвал.

Хорал благодатных неясных светил
Таланту земному хвалу возносил.

Та песня была о юдоли поэта.
Когда это было? Не будем об этом...

Быть может, в субботу. За плотным обедом,
Когда кто-то вспомнил беднягу-поэта...

Груз Затеи

Светлой памяти философа Александра Зиновьева

Страданье должно окупаться блаженством,
Иначе, зачем эта вся суета –
Сплошная Затея, одно декадентство,
И лжехристианство и душ маята?
Устал я от жизни плохой и хорошей.
Я знаю, уверен, – живу я не так!
Но часто бывает под тяжкою ношей
Я мыслю о мести, усталый ишак:
"Сейчас я вам, люди, на головы сброшу
Свою непосильную, смрадную ношу –
И будет вам небо в зелёный пятак,
И сфера эфирная станет железной
И станет стеклянною нежная твердь,
Всё станет для вас суетой бесполезной,
Всё золотом станет и станет деньгами,
Не будет преграды меж мною и вами,
И хлеб ваш насущный нести будет смерть..."

Репейник

Мне хотелось жить не у дороги,
Мне хотелось жить в ином краю.
Я цеплялся за чужие тоги,
Я лечил натруженные ноги –
И за это всех благодарю.
Я – репей, проросший у дороги.
И не надо мне твердить о Боге,
Я о Боге знаю лучше вас.
Я – репей, рождённый у дороги,
С Богом я встречался много раз.
С Богом я общался по несчастью,
Я, как все, был жертвенною частью,
Лопухом на гибнущем лугу.
И всю жизнь сам себе твержу:
Никогда не буду притворяться,
Фарисейство мира не приму,
Никаких о Боге вариаций
И любви к «несчастному» врагу.

Оккупация

Независимо от желаний,
Независимо от всего
Лабиринт – юдоль испытаний
Для характера твоего.
Погрузиться в себя как в пучину,
На смертельную глубину,
Отыскать роковую причину
И признать за собой вину
За то, что такое случилось,
За то, что врагам на милость
Ты отдал себя и Страну.

Лабиринт – вертоград блужданий
Строил царь, сошедший с ума.
После тысячей лет страданий
Не нужна человеку Тьма
В лабиринте жизни и смерти –
Минотавр Тесеем убит ...

Верховодят в России черти,
Избран кесарем Вечный Жид.

Теософия

Любовь Христа не только чувство,
Любовь – великое искусство,
И дар Небес, и Крест земной,
Как Иго жизни бытовой.
Но я хочу любви иной,
Хочу любить весь мир живой –
От валуна до муравья,
Я знаю в них – Судьба моя!

*Светлой памяти автора книги
«Философия вечности» В.Н. Никитина.*

Хорошо, что меня все забыли,
Хорошо, что и я всех забыл –
В облаках галактической пыли
Я плыву среди красных светил.

Среди звёзд, этих красных гигантов,
Хорошо мне пылинкою быть:
Одарён я особым талантом
Равнодушных титанов любить.

И уже никуда мне не деться
В микросхеме огромных миров:
В ней я – матрица трудного детства
Отстрадавших своё праотцов.

За кольцевой дорогой

Светлой памяти Владимира Пучкова

Не дрогнет листва на осине
У прямоугольной трубы.
Паркуются скорбно машины,
Сгружаются ловко гробы.

Труба неприметно курится,
Здесь плоть превращается в прах.
Нездешние странные птицы
Наохлились на проводах.

Здесь благостно, чинно и мирно,
Под вдовий несдержанный вздох
Уходят за чёрную ширму
Свидетели жутких эпох.

Чудесных не жду вариаций –
Никто не вернётся назад,
Не станет никто повторяться,
Никто не достоин наград.

Воистину, правда – бесстрашна:
Горсть пепла как жизни итог –
Так просто, доходчиво, ясно
Устроил рачительный Бог.

Что взято взаймы возвратится,
Вернётся с лихвою Земле.
Качаются души как птицы
На светоносной волне...

2012-08-19,
Преображение Господне.

Мир жестокий и ужасный,
В никуда уводит дверь –
Не кощунствуй понапрасну
И фанатикам не верь.

Верь лишь сердцу, только сердцу
Интуиции своей.
Слышишь, как играет скерцо
Под застрехой бог Борей?

Беседа с белгородскими горняками

Бригадиру Владимиру Ледовских...

– Ребята шахтёры! Вы живы? Вы целы? –
 Автобус – направо, а водка – налево!
 Ребята шахтёры, привет вам, привет –
 Вы снова в рубашках родились на свет!

– На свете печальном роднятся порой
 «Бог» и «богатство» и «бедность» с «Бедой» –
 Богатство не светит и Бог далеко,
 Шахтёру даётся деньга нелегко.
 А бедность с бедою? Так вот они рядом,
 Нам жизнь отравляют замедленным ядом.
 Вся жизнь на кухне и в тесных забоях,
 В болезнях, в заботах и долгих запоях,
 В досуге убогом под мат-пере-мат
 И в обсуждении низких зарплат...

.....
 По штрекам, по штрекам идём мы вперёд –
 Авось не придавит, авось повезёт...
 Всё глубже и глубже, подальше от Неба,
 Вгрызаемся в Землю мы в поисках хлеба!
 Заплатят – дойдём мы до центра Земли,
 Где черти таскают жаровни свои...

–Так кто ж вы, ребята? Володя, кто ты?

– Мы все, Анатолий, слепые кроты,
 Трудяги, лишённые светлой мечты...

«Я расскажу...»

Привет, привет, потомки – человеки!
Сейчас в Нарыме тридцать третий год,
Невмоготу нам жить в двадцатом веке –
Вчера ушёл последний пароход...

Теперь до Томска плыть на ледоколе,
Теперь ему крушить метровый лёд.
Душа опять кручинится о воле,
И о любви паромщица поёт.

Её сестру весною зэки съели,
Зимой придёт паромщицы черёд...
Густой туман спускается на ели,
Во тьму уходит тридцать третий год.

Простор Оби таинственен и гулок,
О пристань трутся льдины шелестя.
Нарым давно не место для прогулок,
Голодный край, болотные места.

Дитя войны с улыбкою недетской,
Чей взгляд всегда смущал седых волков,
Антропофаг селекции советской,
Я стал охоч до жареных голов.

Душа чужда пристрастия и гнева,
В больном мозгу события храня,
Я помню ту зарезанную деву
На суп мясной к Седьмому Ноября.

Она дана была нам как награда,
Как самый веский стимул и мотив...
Давно в земле четвёртая бригада –
Мой подневольный, дружный коллектив.

Но всякий раз, когда я обмываю
Свой трудовой, сверхплановый успех,
То череп тот обугленный ласкаю,
Как папуас кокосовый орех.

Я – людоед. И я не жажду славы.
Но пусть страшит ужасная судьба
Того, кто строил сильную державу –
Советского имперского раба.

В краю людей в неволе умирая,
Съедая друга в честной тишине,
Я расскажу, нигде не привирая,
Всю правду о поруганной стране.

О той тюрьме с цветами на фасаде,
Где водку пьют из черепа отца,
Где все убийцы, ждущие награды,
Смеясь, порочат замысел Творца.

Я расскажу о рукотворном аде,
О пустыре «зияющих высот»,
Где разделил судьбу моей бригады
Смиренный мой, доверчивый народ...

.....
Уходит день, безвольно догорая,
Листком сухим ложится на блокнот...
И слышит мир от края и до края,
Как о любви паромщица поёт.

Рабы иллюзий

Без боя сдана неприступная крепость,
Позором умылась большая страна,
И жизнь людей превратилась в нелепость –
Как ночь без рассвета, лоханка без дна.

Гигантский завод разворован до втулки,
Ограблен последний сиротский приют,
Но глупые люди в глухом переулке
С надеждой на светлое завтра живут.

2012-09-02

Я рад за всех!

Я рад, что мною недовольны все,
Я рад, что всеми я доволен –
Свободный позитрон в бездушной пустоте –
Друзей по духу выбирать я волен...

Я рад, что все «умеют жить»,
Я рад, что жить так не умею,
Как в Лондоне живёт безумный Жид,
Не пожелавший стать у нас евреем.

Я рад за всех «блаженных» и скотов,
За «бахарей на час», за интриганов ловких,
Я даже пострадать за них готов,
Когда они обвиснут на верёвках...

Акростих

ХОочу заверить: всё будет.... **ХО...**
РОссия рыкнет ещё нам.... **РО...**
ШОк станет всем нам последним **ШО...**

II. ЕВАНГЕЛИЕ ОТ МАКАРА

Светлой памяти автора книги «НО...» Макара Бим-Бада посвящается...

Я в плен попал пожизненно, навечно,
 Душа бессмертна – что тут говорить...
 Никто из наших предков так беспечно
 Нас не учил, как праведно нам жить.
 Мне так хотелось вырваться из плена,
 Меня стерёг философ Козлоног,
 Который был не склонен к переменам,
 А к узникам особенно был строг.
 Он добрым был, я не в обиде
 За пытки те, которые терпел
 Я от него, скорбя и ненавидя
 И проклиная горестный удел –
 Служить тому, кому я не хотел...

Я бунтовал, себе я резал вены,
 Я голодал, однажды выпил яд...
 Но яд не брал, я грыз зубами стены,
 Мне так хотелось вырваться из плена,
 А страж твердил: «Свобода – это ад».
 Ступни мои он жарил на жаровне,
 На тело лил солёный кипяток –
 Он всё умел и, безусловно,
 Он был во всём находчивый знаток,
 Универсал, заплечных дел маэстро,
 Дай Бог ему за гробом много сил –
 Как чародей из древнего предместья
 Он кровь мою в ретортах кипятил...
 Я помогал ему снимать с бульона пену –
 Мне так хотелось вырваться из плена,
 Я до него, по сути, и не жил,
 А выживал в краю постылом
 И за идеи рвал напрасно жилы,
 И делал то, что делать не хотел –
 Удел манкуртов и рабов удел...

Прошло сто лет, я подмастерьем стал,
 Я научился кровь перегонять в металл,
 В плену стал ощущать своё предназначенье,
 А быть рабом мне стало наслажденьем.

И час настал - узилище открыто,
 И отодвинув с пищею корыто,
 Мне Козлоног торжественно сказал:

-Ты углем стал со свойством антрацита
И плавить будешь камень и металл,
Отныне ты резец из победита,
Отныне ты – магический кристалл.
-Мой господин, спасибо за науку,
За уникальный сопро-био-мат,
Теперь могу я, без особой муки,
Таких как ты, в Освенциме сжигать.
Я углем стал, лишённым всяких сил –
Вот почему меня ты отпустил...

Во мгле дерев задумалась река
И было грустно, может быть, чуть-чуть,
Звезда мигала где-то свысока,
Определяя новой жизни путь.
Я понимал, что никого не встречу,
И незамечен будет мой уход,
Я утро взял и... заменил на вечер,
Земным часам я дал обратный ход.
Дождь моросил на старую пилотку,
Смывал с души иллюзии и быль.
Я взял весло, столкнул на воду лодку
И в темноту уверенно поплыл...

Чашка кофе

Разжались пальцы, чашка с кофе упала вниз,
 На дно небес, задела за карниз
 Жилой высотки, задела самолёт...
 Ну и вираж, как нашей юности полёт...
 Как в западном, мистическом кино:
 Огромный самолёт плашмя упал на казино –
 Как всё забавно и смешно,
 И никого не жалко мне давным-давно.
 Жаль чашку из деревни Протвино,
 - Чего хотите, сэр?
 - Погибнуть в катастрофе.
 - Ещё чего?
 - Вернуться в послезавтра.
 - Извольте, сэр. А что подать на послезавтрак:
 Овсянку на воде и чёрный кофе?
 Всё будет сделано на первом вздохе.
 Смотрите сэр, как завтра хорошо, что за погода –
 Балует вас британская природа!
 А вот Гайд-парк, подстрижены лужайки,
 Народа тьма, среди толпы, поди, узнай-ка,
 Ровесников своих, но Вы, милорд, сидите,
 Они вас знают. Вон, смотрите,
 К Вам по дорожке от больших ворот
 Бежит подросток, Ваш ровесник,
 Он Вам купил журнал «Британский вестник»,
 Свежайший номер за позапрошлый год.
 - Привет, милорд!
 - Привет, тиджей, привет!
 Скажи мой ангел, сколько тебе лет?
 - Вчера исполнилось двенадцать...
 - А мне давным-давно исполнится сто двадцать,
 Я буду юн и сед, и я давно влюблён
 В двух англичанок, юных бонн.
 Я – лорд-колясочник, напудрен и покрашен...
 -Скажите, сэр, Вы родом не из «рашен»?
 -Увы, оттуда я. Там быт угрюм и страшен,
 Там у людей звериный взгляд,
 Они друг друга поедом едят...
 Живут там осквернители могил,
 Там одарённым людям свет не мил...

Мелькнула мысль: «Напиться вдрызг,
 На шее затянуть гитарную струну...».
 Ослабли пальцы, чашка кофе вниз
 Упала в лужу, о Луну разбилась,
 И вся Ходынка-Сити осветилась
 Салютом жёлтых брызг...

Москва. Ходынка-Сити. Бар –

Приют для однополых пар
И тех, кто СПИДом болен...
Здесь бармен мною недоволен:
-Чего торчишь? Чего хотел?
Ты кофе чёрным надоел!
А может виски? Есть «Бурбон»...
Под горлом боль – я вышел вон,
На урну сел – мне негде быть,
Нет ничего страшней, чем жить.
Вдруг голос свыше: «Слушай, брат:
На вариации история щедра –
Любой поступок можно оправдать –
Ведь если твой мирок взорвать,
То где-то чуть добавится добра...»

Огонь

В огне всегда всему итог сокрыт:
Наступит час – оплавится гранит.
В большой идее – будущая драма:
Наступит час и возгорится пламя
Из-за пучка чуть тлеющей соломки –
Бумажный лист горит по кромке...

Сгорает всё. Огонь неумолим,
С живой природой он не совместим,
Непредсказуем, страшен и капризен,
Но он, увы, такой же, как и жизнь,
Она всегда – губительный пожар,
В ней жар любви и ненависти жар,
Сгоревшие закаты и восходы,
И вулканические огненные воды,
И жаркий пепел, и горячий смог,
И стопроцентный старости ожог...

Невдалеке горит бензоколонка,
А рядом с ней в огне ракетный склад:
Через минуту искры полетят
К далёкому созвездию Плеяд.
А может дальше – в те края,
Где было... укрощение Огня,
Где жизнь ещё возникнет...
Без меня...

Младенцев жалко...

Какая боль
И здесь и там...
В ушах прибой
Ревёт тревожно,
На сердце шрам -
Жить невозможно...

Вот Храм забытый,
В нём Глюк играет.
А для кого,
Он сам не знает.
Реальность – Мокошь,
Убогий шарж,
В ней гимном служит
Бесовский марш.
Жизель танцует
С маркизом Садам,
Как стриптизёрша
Крутит задом,
К себе маня.
Чужие песни...
Тоска — моя.

Учитель жизни
Двуликий Янус
Уйдёт в банкиры,
А я останусь
В доме скорби
Читать в постели
«Записки Горби».
Врачи, медбратаы,
Какая боль...
Жизнь – это рана,
Не сыпьте соль.

«Денег много,
А ставок нет.
Жизнь – это бизнес» -
Сказал поэт,
Не тот, советский,
Из «Моссельпрома»,
А наш, российский,
Он из «Газпрома».
Затылков бритых
Довольно много,
На дно колодца
Ведёт дорога,
Что будет с ними
Мне всё равно...
Какая боль!
Гроб в казино:

Сократ в осадке,
Цикуту пьёт.
Здесь самый умный
Всегда банкрот...

Итожа путь,
Скажу вам прямо:
Ожоги жизни
Ещё не рана.
До главной Раны
Всегда нам рано;
Всегда зацепка
Есть у надежды,
Что будет лучше,
Чем было прежде...
Но беспощаден
Процесс распада,
И здесь иллюзий
Питать не надо.
И пусть дымится
Над миром Свалка –
Не ёкнет сердце
Не возмутится.
Одно волнует:
Младенцев жалко,
Младенцев жалко,
Младенцев жалко...
.....
В глазах мутится,
Душа тоскует...
Лепет листьев,
Шуршанье гальки,
Шум океана
Заглушат боль,
Затянут рану.

Новейший Завет

Авария на Щёлковском шоссе:
 Кровавый «поцелуй»
 на встречной полосе...
 А дальше... тьма,
 как жизненный итог,
 А может и
 к бессмертию пролог...

.....

-Вы кто?

-Я — Бог.

Ты звал Меня? Я здесь.

Медку принёс.

Ты должен что-то съесть.

Я вздрогнул
 и глаза закрыл:
 «Какой на этот раз Зоил
 Меня сюда,
 в дом скорби поместил?»
 Придя в себя,
 опять спросил:

-Как Вас зовут,

любезный посетитель?

-Я — Тот, Кто Может Всё.

Я — Вседержитель.

-О, Боже мой,

за что такая честь?

Моих грехов
 вовек не перечесть...

-Мне исповедь твоя,
 как бляенье козла.
 Со Мной ты потому,
 что жил без зла...
 Твои грехи
 достойны сожаленья,
 Я разрешу сейчас
 твои сомненья.

-Я жив?
 Здесь облака похожи на торосы....
 -Конечно, жив.
 Усопшие не задают вопросов.
 Ты жив,
 и жизнь тебя тревожит.
 -Я не хочу, Господь,
 её итожить,
 Я не бухгалтер сам себе.
 Возьми
 Меня, пожалуйста,
 в Свою обитель,
 Я рад служить в ней
 кем угодно.
 Я для людей стал
 непригодным...
 Мне страшно.
 Боль. Опять больница...
 И мама умерла...
 Она мне часто снится...
 А друг убил себя.
 Не снёс реформ... эпохи...
 Убил и тех, других,
 которым тоже плохо...
 - Не смей гневить Меня
 стенанием своим:
 Тебе лишь больно.
 Плохо тем, другим...
 Молчи, «венец природы»,
 скот неблагодарный -
 Так много получить,
 и так прожить бездарно.
 Я мысли людям дал
 и разум, и свободу,
 А вы взалкали власти
 над Природой.
 Я вам сказал, что вы
 подобны птицам.
 А вы? Вы стали Именем Моим
 кормиться.
 Я дал вам землю, небо,

все красоты мира,
А вы устроили
чуму во время пира.
Кто вам внушил,
что пурпурная тога
Есть символ власти,
что она от Бога?
Я не учил вас
верой торговать,
Друг друга мучить,
грабить, убивать.
Не Я сказал:
«Динарии копите,
Насилуйте, воюйте
и хитрите».
Я –Тот, Кто
Кем угодно
может быть,
Но и Меня порой
от вас тошнит,
От ваших жертв,
стенаний и молитв
В огне «священных» войн
и «величайших» битв...
В дурных делах
Я не пособник вам,
И Мне отмщенье
и Аз вельми воздам
Не по молитвам вашим –
по делам,
Я дал Завет пророкам,
мудрецам:
«Творите больше дел,
дабы без воплей громких,
Достойно отойти...
и пережить потомков.
-Но я же не пророк
и не мудрец,
Я был никем, сейчас никто,
ником и был отец.
Моя семья
Не разрушала храмы
Не затевала войн
и мировые драмы...

Да были плотские грехи.
Они как боль
И стыд.
Доколь
на раны сыпать соль?

Да и к чему вся эта...
круговерть,

Где день рожденья
 завершает смерть?
 Устал я.
 Дайте мне покой,
 Я переполнен болью
 и тоской.
 Меж двух миров
 лежу без сил я:
 Меняю нимб
 и ангельские крылья
 Я на покой...
 божественного Света...
 - Спектакль не кончен,
 песня не пропета.
 Вернись к своим...

- Избави, Боже!
 Сердцем чую,
 Что не поймут меня
 и четвергуют...
 - Я шифр жизни дам тебе
 и силу,
 И станет так, как будет
 и как было.
 Коснусь тебя
 и страх пройдёт,
 Душа твоя свободу
 обретёт.
 Огонь зажжённый Мной
 не загоняй в трубу.
 Спектакль закончится,
 и снова Я приду.
 Иди в народ - есть время
 до финала.
 Тебя распнут.
 Я всё начну сначала.

.....

Очнувшись, я авторучку взял,
 раскрыл тетрадь
 И написал в ознобе
 творческого жара:
 «Завет Новейший
 дан вам от Макара,
 Который не гонял
 за горизонт телят...
 ...И Тьма была.
 И Тьмой был мир объят.
 В начале было То,
 Что захотело
 Передвигаться,

жить и делать Дело.
Не нами сказано,
что без Труда и Дела
Из Ничего
не возникает тело...».

Будем жить

Кто я? Что я?
Полубожок
или киборг?
А может атом,
не залетевший
в наноморг,
И чудом, избежавший
расщепленья?
Возникший задолго
до своего рожденья?
Я воплотился?
Жив я или нет?
По паспорту
мне... триста тысяч лет;
Новейших технологий
славный образец,
Я износить успел
три тысячи сердец.
Я призван Богом,
или Им наказан
За веру зыбкую
и за излишний разум?
Кто скажет мне,
где в бездне
верх, где низ?
Куда лечу?
А может я во тьме
навек завис,
Самодостаточный,
свободный,
совершенный,
Над Северной Короной
видимой Вселенной.
Могучим быть
и быть таким бессильным!
Быть императором
и быть посыльным
У самого себя. Скоплением светил,
Частицей быть,
где прах застыл
И напряжённо ждёт
начала дня творенья -
Я – Гог поверженный,
достойный сожаленья:
Я мог планеты
сталкивать с орбит,
И большее я мог...
А вот себя
не смог

убить.
 Гигантские в себя
 вбирая звёзды,
 Я собирал галактики
 как грозди,
 И продлевал свои
 метаморфозы,
 Вносил тепло
 в космическую прозу...
 Но есть всему конец.
 Настала эра Тьмы,
 У Чёрных Дыр
 не будет кутерьмы:
 В ничтожной точке
 сжатого пространства
 Мятежный прах
 приемлет постоянство.
 В свободной пустоте
 бессмысленно играть
 С самим собой, а надо
 только ждать...
 Чего? Кого?
 Неважно.
 Нужно ждать и быть...
 Тогда, возможно,
 снова буду жить...

И что из этого?
 Каков итог?
 Я слышу двух врачей
 невнятный диалог:

– Что ж, будем жить,
 хоть путь
 довольно труден...
 – Возможно, будем,
 если пить не будем...
 – Был момент, –

я думал, он
 умрёт...
 – Железный организм...
 Пускай живёт.
 Однако, я устал,
 уже не держат ноги.
 Пошли. Там у меня есть
 в соусе миноги...
 А в сейфе спирт...
 Нам стол накроет дама...

Оценщики

Вся жизнь моя –
сплошной вопрос.
Не злобный, не завистливый,
Я перед всеми
странно унижался,
Раздавленный их
мнимым превосходством,
А может явным...
Ведь были среди них
Суггесторы, антропофаги,
Строптивая овца
у них идёт под нож...

Как проросло зерно гнилое,
росток тщедушный,
Как пророс среди репейника,
чертополоха?
Вот вопрос! В итоге:
Для кого чем именно хорош
И плох я,
Распятый временем
меж двух эпох?

Причудлива моя судьба:
 о многом *верно* знать,
 Но *точно* – ничего ;
 Знать – *что произойдёт*,
 не знать при этом – *где*,
 Не зная частное,
 единое познать
 И сокрушаться от противоречий,
 Дабы узнать
 хоть что-нибудь о мире...

Как муравей я полз по кругу,
 пробуя его на вкус,
 На прочность, на изгиб –
 чуть было не погиб,
 А оказалось – это Колесо,
 Круг Мира, вечная машина...
 Серебряные спицы
 слились в круг
 От быстрого вращения.
 Что жизнь моя?
 Изломы бытия,
 каприз фортуны?
 Борьба за то,
 За что не следует бороться,
 осталась втуне.
 Я никому не должен,
 Мне не за что платить.
 Я не хочу платить
 налоги палачам...
 Я кто? Я – отщепенец,
 гонимый ветром перемен?
 Щепка истории,
 от старой скрипки дека?
 Иль аноним
 шестнадцатого века,
 На клиросе поющий «Херувим»,
 А может добровольный
 плакальщик России?
 Повременю с поминками...
 Пусть мёртвые
 хоронят мёртвых...

Как сжался в точку
 круг любимых мною.
 Почти не стало
 любящих меня.
 И не вернуть долги,
 Не попросить прощенья,
 не замолить грехов...
 И только мысль:
 «Я скоро буду с вами»
 Даёт дышать,

И в путь, без маяты,
готовить сборы...

.....

Та комнатка была чуть
больше склепа.
Полу-подвальчик.
У окошка за столом
сидели двое.
Двое в чёрном,
Рогатый и Бородатый,
играли в карты
и вяло спорили,
И речь картёжников
шла явно обо мне:
– Смотри, очухался.
Сейчас начнётся атаксия,
Потом истерики,
биенье в грудь,
И бичевание властей
Всех стран
и всех народов....
– Он кто у нас
по Банку данных Мироздания?
– Писака жалкий. Психопат.
Ты слышал его бред,
бред сумасшедшего
перед кончиной мира?
Он – балалаечник,
играющий на лире.
Он в прозе – эпигон,
в поэзии – версификатор;
размер стиха не соблюдает,
и с рифмой не в ладах.
Как многие, он скучен и зануден,
Адаптер
истин прописных,
Типичный архетип интеллигента
Из Пятой Расы
коренных людей.
Он – трансцендентный эсхатолог,
Таких сейчас,
как бешеных собак...
Типичное лицо
типичных обстоятельств,
Как он попал на этот кастинг?
Сегодня так нужны
безумцы-бунтари,
Чьи идеи
потрясали мир,
И чьи дела
вводили в трепет,
И леденили души

всех народов...
 А этот так себе...
 Поэт неактуальный...
 А как себя он любит
 и жалеет,
 Винит в своих страданиях
 других,
 И даже мёртвых
 беспокоит
 Шумами в сердце...

Нет, он не Фауст,
 далеко не Фауст...
 Моя оценка:
 Он – пирог ни с чем.
 Аморфный весь: то согрешит,
 то кается,
 Потом опять грешит...
 Он не способен
 на Поступок inferнальный,
 Типичный кандидат
 В самосожженцы.
 Он нам неинтересен.
 Пусть живет...

.....

Здесь я не выдержал,
 сел на кровать,
 На пол спустил
 босые ноги,
 спросил:
 –А вы, ребята, кто?
 Вы из «Пен-клуба»,
 Или ЛИТО
 при банке «Легион»,
 или оценщики
 подпольного ломбарда?
 Оценки ваши
 в духе дилетантов:
 Нет на свете «коренных людей»,
 А были только Коренные Расы,
 Их было Пять,
 Шестой же – не бывать.
 Разоблачён дешёвый ваш
 глобальный лохотрон.
 Вы, видимо, ребята
 из Давоса?

– Что за вопрос!
 Какой Давос?
 Мы – перестройщики
 дряхлеющего мира,
 Мы – из шестого Круга.

Один из нас недавно
 с Пушкиным гулял,
 Другой беседовал
 с Сократом...
 Теперь твою
 судьбу решаем.
 Скажи, ты с нами,
 или против нас?
 – Я свой себе.
 Не «наш»,
 не «ваш»,
 Я презираю
 воровские шайки
 Из всех кругов,
 и вас, «шестёрки»,
 из шестого круга.
 А посему идите оба...
 в круг девятый,
 где бесов – целый легион,
 Где Люцифер сидит
 у озера Коцит,
 Вода его черней,
 чем антрацит...

– Иди ты сам,
 парнокопытный,
 Живи, как кабарга,
 Ни богу свечка,
 ни чёрту кочерга, –
 со злом сказал Рогатый.

И я пошёл
 в чём был,
 В халате, в тапочках
 на босу ногу,
 Остановился у дверей
 и заорал:

– Христос воскрес!
 – Он опять воскрес, –
 вздохнул Рогатый:
 И что из этого?
 Он каждый год
 напрасно воскресает:
 Из года в год
 становится всё хуже
 Для тех, кто верит
 в эту ерунду...
 – Воистину воскрес!
 Без доказательств и гипотез! –
 ответил Бородатый
 и веером метнул
 колоду карт.

Вариация на электромагнитную тему

- Когда и как меня убили
Помню смутно:
В цветущем мае это было...
Стена щербатая
От слов и пуль...
И лютый лай людей,
Пригнавших нас, покорных, на убой...
Потом хлопок
Пастушьего кнута,
Потом удар под левую лопатку
И темнота...
Потом, когда меня добили
Конвоиры,
Я очнулся...
Сорок дней витал я
Над могилой братской,
Жалел друзей,
Родных и близких,

За слабодушие корил себя,
 Что перед смертью я,
 Довольно крепкий,
 Не выгрыз горло конвоиру...

.....

– Довольно!
 Перестаньте плакать,
 Умерьте амплитуду колебаний.
 Всё позади. Всё будет хорошо.
 Развеются как дым земные страсти,
 И беды и обиды,
 Всё будет по-иному
 В мире новом...
 Слезу сотрите
 И посмотрите
 На звезду Эвтерпу –
 Нашу Музу –
 Мы все, коллега, спутники её!
 За нею, видите,
 Краснеет Клио,
 Ей стыдно за людей,
 А Талия мигает и смеётся.
 В зените плачет Мельпомена.
 Смотрите, о любви поют Эрато
 С Каллиопой,
 А Полигимния
 Слагает гимны нам,
 Танцует Терпсихора,
 А на парад планет и звёзд
 Внимательно взирает Урания...

.....

– Простите, мэтр, новичка,
 Скажите, Вы – философ?
 – Нет! Скорее я – поэт.
 Мой код: «D. K.»,
 А имя – Дмитрий,
 Я – электрон с устойчивой орбитой...
 – Вы узнаваемы за тысячу парсеков:
 Вы – автор драмы «Рембрандт»
 И поэмы «Конь»,
 Убиты были в сорок пятом
 Агентами НКВД
 Под маской хулиганов...
 – Я всё забыл. Я ничего не помню...
 Мне всё равно: когда, за что и где...
 Забудем всё. Себе оставим опыт
 Перевоплощений и метаморфоз.
 Отныне будет хорошо:
 Подует скоро звёздный ветер,
 Поток стремительных нейтрино
 Нас понесёт за горизонт событий
 В иную жизнь, в иные времена.
 У каждого из нас теперь своя орбита,

Её никто не сможет изменить –
Мы все здесь с отрицательным зарядом!
Нам хватит места всем –
Художникам, поэтам и певцам,
Зодчим, музыкантам и актёрам.
Мы друг от друга, как бы далеко,
И в то же время мы, коллега, рядом.

.....
.....

У нас у всех свой срок полураспада
И распада. Забудем органоидов.
Они хрупки, их связи быстро рвутся;
По мировым часам их жизнь мгновенна,
А память их чрезмерно коротка.
И участь органоидов, увы, печальна,
Она предсказана была в сатире Свифта
И в книге бытия – «Корабль дураков».

Благодарной публике

И вот я взошёл на эстраду,
Я весь перед вами, я рад,
Что вы мне даны, как награда,
Иных мне не нужно наград.
Награда моя – ваши души
И стук ваших добрых сердец,
Который мой мир не разрушил,
А новый создал наконец.
Ах, благодать то какая,
А я уже думал: один
Я здесь, как букашка пустая,
На холоде русских равнин.
Я думал наивно, что снится
Мне этот печальный распев
Над пляжем изнеженной Ниццы,
В угрюмой пустыне Негев,
Где птицы волшебные смолкли,
Где втуне все песни небес,
Где жалкие духа осколки
Распроданы бесам на вес...
Но вот ваши светлые лица
В неслышный вплелись диалог...
Такое не может присниться,
Я это предвидеть не мог.

Конец

Alles es zu Ende!
Всё кончено.
Всему конец.
Вот главные слова,
И сердцу бы пора утомониться,
Остановиться...
Не нужно лишних слов,
Которые нигде не смогут проясниться
Ни здесь, ни «там»,
Где нет ни горечи, ни счастья,
А лишь покой, шалаш, шатёр, вигвам...
Когда мы выпьем на двоих по двести грамм
Нам нужно больше не общаться...
Не нужно лишних слов.
Давай в тиши смотреть на жизнь муравьёв:
Учась у них не думать о грядущем,
Забыв о том, что есть всему конец.

Задумались озёра отражая
Глубины чувств в наивной тишине –
Бездумие любви в начале мая
И зрелость плода в стылом сентябре,
Страстей излишних душное томленье,
Немой укор и затаённый вздох
И резкий спад капризных настроений
Прекрасных роз запыленных эпох.

В туманах млеют мрачные трясины
Под слоем торфа прошлое храня –
Подбитый танк, армейские машины,
Нетленный труп Хранителя Огня,
Наследного жреца из неолита,
Из пластика помойное ведро,
Священное кольцо из хризолита
И пушечное чёрное ядро...

Архив Небес хранит людские чувства.
Земной запасник – вещи и тела,
Изящные безделицы искусства
И тирании грубой удила.
Но кто поймёт язык вещей и страсти,
Культурный код народов и племён?
Пожалуй, только кошка рыжей масти
Да у ворот в наряде жёлтом клён...

Истории конвейерная лента
 На выходе даёт досадный сбой,
 Меняя суть и цель эксперимента,
 Где здравый ум проигрывает бой
 С безумием похаба-декадента...
 Но кто просчёт Алхимика исправит
 На фабрике фантазии больной,
 Которая чудовищ выпускает
 Нелепых, и бессмысленных порой,
 Таких, как плод соития вампиров,
 Как труп сакральный вечный и живой,
 Как херувим, похожий на сатира,
 Как плоский болт с обратной резьбой?

Мы были рождены для совершенства
 Материи, рождающей Кристалл,
 Где принцип абсолютного главенства
 В бионике главенствующим стал.
 Но на пути тернистом к Идеалу,
 В притонах содомитов Азраил
 Использовал гермесовы лекала
 И Голема из ангела скроил...

Сто тысяч лет для разума немало,
 Но кто пустил безумца на постой
 В эпоху Смуты, Мокоши и Нави,
 Где нищий духом бодро правит нами,
 Где скоро зомби... станет мудрецом,
 Гермафродит заботливым отцом, –
 И оба будут диктовать свои уставы...

Не подсчитать величину урона
 Эпохи криминальной и пустой,
 Где в беспредельных сумерках закона
 Мыслители с античною тоской
 Дописывают скорбные романы
 И радостно уходят на покой...
 Где жизнь клянут угрюмые Иваны,
 Где девы приглашают на постой
 Развратников... к себе под одеяло,
 Где хлещут водку юноши устало,
 Где навсегда отвергнут Домострой...

Взвесь моё сердце, угрюмый Анубис,
Усталое сердце, вместилище страстного чувства,
Сердце, творившее мыслью и Словом.
Мучилось долго оно, всходило, росло, созревало,
Как дозревает зерно в дни виноградной лозы,
В дни наполнения Нила, в час просветления духа...
Взвесь моё сердце больное, Анубис,
И пусть чаровница Исида излечит от скорби его.
Я ей назову своё тайное имя, когда после жатвы
Осирис на барке плывёт по звёздному Нилу
К вратам преисподней со свитой своей
В час закатный...

Взвесь моё сердце, колдунья Геката,
Иду я на пиршество мёртвых,
Где стол изобильный – алтарь, а занавес – скатерть,
Где повар искусный – кудесник и жрец,
А тризна – мистерия жизни на перекрёстках дорог...

Взвесь моё сердце, святой Инквизитор!
Знаю, найдёшь его слабым и грешным.
Но я не в костёле и не в коморке менялы –
Давай без торговли, без индульгенций,
Без раскалённых щипцов и без дыбы –
Будь человечным как подобает святому.
Не рая прошу я, а света, свободы полёта и воли.
Хочу быть стабильной частицей, мюонной нейтрино,
Летающей беспечно в Мгновенную Вечность.
Пусть будет, как было, святой Инквизитор.
Пусть древнее будет вино на ужине тайном твоём,
А жертвою станет ранимое сердце моё...

Памяти историка Эгидиуса Баниониса

«История не терпит оптимизма» –
 Сказал царю однажды Карамзин.
 «Всею виной идеи солипсизма
 И демиург – властительный кретин,
 Всею виной природа человека» –
 Нам говорил на лекциях Зимин
 И Александр Зиновьев на исходе века
 Нам эту мысль ещё раз повторил.

Конец всему, когда мельчают люди,
 У нищих духом в жизни всё не так!
 Угас в потомках голяди и жмуди
 Инвентор мысли, Зодчий и Мастак.

Я помню, Эгис, то шальное лето,
 Музей Науки, рядом старый сквер...
 Тогда Малдонис, ромом перегретый,
 Ругал, как мог, прогнивший СССР.
 Но ты сказал: «Увы, ушла Эпоха,
 Мы скажем ей: спасибо и прощай
 Без громких слов и лицемерных вздохов.
 Она в себя вместила ад и рай –
 Нам от неё отвлекься бы неплохо...
 Давай со мной поедем... в Сарасай!
 Там есть одна пивная неплохая,
 Там пиво пьют на старых жерновах,
 Там мирно спит История живая...
 Там хорошо...
 И там неведом страх...
 Когда ещё представится...
 не знаю...
 Чего таить...
 Я умираю...
 Пока не поздно – едем
 в Сарасай!»

III. Философия Вечности

Если не я, то кто же? Кто скажет о них, совсем недавно ушедших от нас в Вечность, этих замечательных людях? Скромны были их похороны, и скупыми были прощальные слова тех, кто провожал их в последний путь по Чёрной дороге.

О чём говорили оставшиеся в живых люди на краю свежевырытых могил? В основном, о лучших сторонах души усопших, о житейских невзгодах на их тернистом, жизненном пути и стойко пережитых ими страданиях – о чём угодно, но только не о их творческих поисках и достижениях.

Прошло почти три года, как их нет с нами. Река Времени продолжает намывать на нашу память мутный ил суетной повседневности с её заботами, ожиданиями, страхами и надеждами.

Бледнеют и теряют черты лица усопших, детей жертв геноцида, жертв большевистской системы насилия. Лежат в чуланах их книги, выбрасываются на помойку их рукописи и дневники, любимые книги, дорогие сердцу предметы трудного и славного прошлого.

Как быстро мы забываем имена своих вчерашних кумиров, героев, моральных и нравственных авторитетов. Уже почти не слышатся в эфире слова «Никто не забыт, ничто не забыто». Только в памятные дни звучат дежурные слова в честь доблестных предков, но с каждым годом скудеет число тех, кто может добавить к словам официальной благодарности крупицу искренней признательности.

Никто уже не проводит в Российском Университете дружбы народов «Мамонтовские» и «Никитинские чтения», ученикам некогда ворошить благородную и благодарную память о своих Учителях. Иногда смерть учеников опережает уход в мир иной их учителей. И всё чаще и чаще начинает мельтешить в мозгу подленькая мысль: а жили ли эти люди вообще? Может быть, эта очередная урна с пеплом мне снится?

Всё реже вспоминают ушедших в Вечность, всё реже приходят на их могилы...

Неужели всё напрасно? Неужели напрасной была их жизнь, их труды, помыслы и чаяния? Неужели напрасной была жизнь трёх поколений миллионов советских граждан?

Кто вспомнит неустанную работу страдавших душ усопших, плоды их ума и сердца, их мировоззрение, изложенное когда-то ими в своих книгах и рукописях? Что должно случиться в жизни нашего общества, какая должна быть оказия, чтобы кто-то смог воспользоваться ею, заодно вспомнить добрым словом дела и помыслы ушедших от нас?

Может быть, я? Благо, что такая оказия представилась. Здесь. За Храмовой стеной...

1. БИМ-БАД Макара Михайлович (1945-2010): вечное Колесо.

Его единственный сборник рассказов и эссе «НО..» (М. Изд-во УРАО, 2003) изобилует множеством философских озарений-переживаний, идей и гипотез, и рассчитан он на читателей, интересующихся высшей социологией и высшей философией, у кого давно проявилась **эта непонятная тяга к бескомпромиссному познанию.**

Автор этой необычной, странной книги был скромным человеком и в последние годы вёл уединённый образ жизни. Себя он называл полушутливо «Свидетелем МАКАРОМ», а в выходных данных своей книги вместо полной фамилии автора указал только своё имя: **«МАКАР».**

Меня всегда восхищали люди, чьи души и умы ярко проявляются в своём неустанном поиске Истины, в своей неизменной пытливости, в стремлении видеть и понимать мир на грани понимания и под особым онтологическим углом зрения.

В Макаре Михайловиче меня всегда поражали интеллектуальная честность и мужество его интеллекта, его способность мыслить, как в понятиях, так и в образах.

Именно такие люди, как Макара были и остаются продолжателями дела тех мыслителей, кто ещё триста лет назад мечтал примирить религиозное мировоззрение с научным. Кто пытался ввести в состав науки житейские, донаучные (эмпирические и эзотерические) знания в целях более полного философского и мировоззренческого истолкования данных науки и абсолютных религиозных истин.

Известно, что для многих мыслителей прошлого источником познания являлся чувственный и религиозный опыт, и просеивающий этот опыт через сито рассудка интеллект. История религии и науки сохранила нам имена многих религиозных деятелей, которые внесли огромный вклад в развитие духовной культуры и социально-экономического прогресса. История познания мира человеком гласит: союз науки и религии заключён в самом человеке.

В последние семь лет «Свидетеля Макара» не переставали мучить «вечные вопросы», одним из которых являлось **трагическое противоречие между состоянием духа и состоянием биологической юности, эта вечная трагедия молодого человека – «животного полного грёз»** (Н. Заболоцкий).

В одном случае этот союз материи и духа гармоничен и естественен, а в другом – он невозможен вообще. Не потому ли, мечта многих представителей свободной мысли о плодотворном союзе науки и Священного писания («Закона») о том дне, когда учёный физик и философ-богослов будут говорить на одном понятийном языке и понимать друг друга остаётся мечтой и сегодня.

Причин этому, считал Макара Михайлович, несколько. Одна из них заключена в самой естественной науке как в системе знаний, полной заблуждений и просчётов в отношении предметов физического мира, другая – в самой религии как в «духовном ведомстве» с тысячелетней историей, полной многих противоречий, заблуждений и опасных

ересей. История взаимоотношений этих двух полярных «идеологических ведомств» полна драматических событий и разного рода локальных, эпохальных конфликтов.

Камнем такого преткновения явилась «методологическая несовместимость» двух противоположных мировоззрений (особенно научного, материалистического) с его весьма ограниченными истинами, требующими дальнейшего усовершенствования, иных методов познания.

Об этом «камне преткновения» в своё время писала Елена Петровна Блаватская (1831-91) в известном теософском сочинении «Тайная доктрина», которое Макар Михайлович в последние годы жизни высоко ценил и перечитывал.

Особенно ярко эта несовместимость проявилась в науках, связанных с мироустройством и возникновением жизни во Вселенной. Вот уже в течение трёх веков история науки выступает в качестве истории всевозможных догматизмов и деспотизмов разума, грубых промахов и грандиозных заблуждений.

Как только наука пытается объяснить «вечные» тайны Природы – например, механизм всемирного тяготения, или двойственную суть материи, её «несотворимость» и «неуничтожимость», её загадочную количественную неисчерпаемость «вглубь», бесконечное многообразие её свойств, формы Всеобщего Бытия – тогда и возникает в научных доводах вопиющие противоречия, которые сглаживаются с помощью хитроумных интерпретаций.

Скрытые допущения, догадки и гипотезы, преподносимые учёными мужами в качестве безупречных доказательств, игра учёных в прятки с истиной делают битву науки с Непознаваемым миром рискованной, а исход её – неопределённым.

Это обстоятельство продолжало весьма огорчать Макара Михайловича. Не этим ли можно объяснить то странное «духовное бессилие» героя его книги «НО...» с его чуть ли не божественным могуществом в масштабах Солнечной системы?

Мучительно больно и бессмысленно быть «божественной точкой» в пустоте Мироздания, где для тебя давно свершился переход от биологической сущности к общемировому, вселенскому состоянию, при котором не может быть великого и малого (рассказ «Будем жить»).

Какие выводы напрашиваются после прочтения книги МАКАРА? Мир – совершенен, это мы – несовершенны, это мы – не-до-завершены...

Страшные, взрослые «сны разума» и по-детски сюрреалистические видения в рассказах и эссе МАКАРА легко переходят друг в друга и являются воплощением духовно-нравственных переживаний наших современников. Стоять «у бездны на краю» и с ужасом смотреть в «чёрную дыру» – было любимым, экстремальным занятием русских литераторов и философов.

МАКАР заглянул в Бездну, но не ужаснулся, отступил от её края и сделал выводы, выключил телефон, зашторил окна квартиры от назойливого яркого света, от шума и гама монотонной повседневности, лёг на диван и уснул навечно...

2. НИКИТИН Владимир Николаевич (1949-2010): философия Вечности.

В.Н. Никитин относится к той исключительно редкой породе людей, которые рождаются для мира Познания посмертно. Истина, ради которой жил этот выдающийся неординарный исследователь-философ, не знает смерти, хотя, увы, земная жизнь носителя великих Идей, как правило, бывает тяжёлой и глубоко трагичной.

Никитин в своих научных исследованиях существенно расширил рамки и масштаб поисков смысла жизни и смысла истории таких выдающихся представителей российской философской мысли, как Н.А.Бердяев, Э.Л. Радлов, С.Н.Булгаков, Н.О. Лосский, В.В. Зеньковский, которые рассматривали историческую философию как возможный путь к историческому всезнанию Всеобщего Бытия.

В своей книге «Философия Вечности» (М. Изд-во РУДН, 2004)

В.Н. Никитин не только сумел достойно протиснуться между двумя изначально полярными мировоззрениями – между Сциллой материалистической науки и Харибдой религиозно-эзотерических знаний, но и блестяще сумел перекинуть между ними мостик своей **исторической высокой философии с её предназначенческим и человекосущностным подходом.**

Наконец, В.Н. Никитин был первым учёным-историком и философом, кто предложил нам историософский вариант ещё пока не созданной «Сводной Теории Всего Сущего», о которой давно мечтают физики всего мира.

Научные исследования В.Н. Никитина в области историософии уместно назвать добротными плодами научного творчества, которое является уделом людей с богатым сверхчувственным воображением, уникальным умением «узреть незримое с давнишних пор»(В.А. Жуковский), **предугадать непредвиденное .**

В.Н. Никитин попытался заглянуть в Бездну непознанного, за «горизонт событий» и понять умом вещи уму непостижимые, нашёл в себе смелость предложить нам свою на первый взгляд «безумную» версию целесообразного присутствия во Вселенной мыслящего разумного существа – человека.

Антропогония и космогония у Никитина идут в одной упряжке. Заглянув за горизонт позитивного знания, Никитин смог увидеть окраины Вселенной, её пространственно-временную ткань и одновременно с этим рассмотреть дно вывернутой наизнанку человеческой души с её Черной Троицей – **«жадностью, ревностью и завистью».**

Никитин глубоко обосновал крах Легенды о совершенном Человеке через идею о великом его предназначении. По Никитину смысл жизни человека, смысл любой вещи определяется её предназначением, а предназначение человека и вещей реализуется через их внутреннюю суть.

Чтобы очеловечить человека, вернуть утраченного Человека необходим «сплав» трёх степеней или форм знания – знание эмпирическое, знание философское и знание научное – только они совместно могут удовлетворить животворные потребности человеческого духа. Не подстраиваясь ни под одно из противоречивых мировоззрений, будь то научное, эзотерическое или религиозно-мифологическое, В.Н. Никитин сумел увязать их основные идеи в свете собственных представлений о Всеобщем Бытии.

Эти знания, сохраняя своё различие и действуя каждое в своей сфере, вместе с тем и тем самым не исключают друг друга, а находятся в нормальном, плодотворном взаимодействии, внося в бытие любого народа новые формы религиозного и национального существования.

В.Н. Никитин, считал, что без багажа тайных, «донаучных знаний» нам не понять Закона Вечности, согласно которому в Мироздании **может быть всё, за исключением, того, чего не может быть, но может быть и то, что противоречит даже законам физики.**

Особенно там, где их нет, где нет материи и информации о ней – ни в идеальной Пустоте, которая обычно предшествует стандартному Космосу, ни в эзотерическом, духовном мире, который функционирует с миром материальным, то только «глубже» и бесконечно шире.

В.Н. Никитин окончательно развенчал нескромный миф своих современников об особой исключительности нашей цивилизации на планете Земля.

Он опроверг при этом высокомерный и снисходительный взгляд западных историографов прошлого века на историю так называемых варварских племён, чьи нравы «были изначально свирепы, жестоки и беспощадны, чьи сердца не знали милосердия, а умы света просвещения» (Н.М.Карамзин).

Его раздражали неуместные менторские рассуждения некоторых советских историков о якобы «дремучем невежестве» народов древнего мира, особенно северных варваров – галлов, кельтов и восточных славян, создателей великих империй.

В.Н. Никитин развеял тьму неизвестной нам доселе мифологической истории человечества. Он предложил свой генезис человека разумного.

Он убедительно показал его трагический путь, начиная с человека космологического до времён человека мезолита и неолита, вплоть до времён астрономических мегалитов, каменных календарей Напта-Плайи и Стоунхенджа. До тех времён, когда из священных, сакральных символов и знаков возникли первые Числа, а из священных Письмен возникла в низовьях Урала и Волги, в Аркаиме, древнетюркская и ведийская руническая письменность.

Возникновение язычества, многобожия не менее закономерно, чем вера в Бога единого, считал В.Н. Никитин. Само появление монотеистической веры обусловлено отнюдь не «примитивными знаниями» (доисторической науки) и не формированием древних государств с их централизованной деспотической властью, как об этом пишут учебники истории.

По В.Н. Никитину истоки монотеизма кроются в анимизме и в его разновидностях, в «общем корне» всех религий – в человеческой душе, в сверхглубинном подсознании, онтологически восходящем к Мировому Сознанию и, наконец, в трансперсональных переживаниях их основателей.

Обобщённое предсознание как совокупность уже осмысленного человечеством знания и ещё до конца не осмысленного, во многом целостно и подвижно, считал В.Н. Никитин, и оно вполне соответствует логике эзотерического мира и логике многих космологических мифов. Каждое из верований отражало в той или иной мере пусть искаженные, смутные воспоминания наших прародителей об объективной реальности иных миров.

В.Н. Никитин настоятельно рекомендовал молодым учёным ни в коем случае не интерпретировать древние «донаучные», исторические источники, а полностью доверяться мифологическим и эзотерическим текстам, не упуская из виду другую космогоническую реальность, отражённую в них.

В.Н. Никитин был учёным, обладающим даром сверхчувственной интуиции, научного предвидения, носителем научного творчества, который ради достижения истины способен был без страха и упрёка рвать логику устоявшихся представлений об окружающем мире. Его книга «Философия Вечности» полна научных догадок, идей и гипотез, она адресована в первую очередь студентам и молодым учёным, склонным к изучению высшей социологии и высшей философии.

Не каждому дано почувствовать сердцем и представить умом присутствие невидимого объекта. Почувствовать вдруг то тревожное состояние элементарной частицы, которая в Мгновенной Вечности пытается непременно отыскать себе желанную спутницу. **Уловить момент её «очарования».** Уловить Момент моментов, когда срывается ветхая занавеска Тьмы, за которой виднеется Идеальный Абсолют. Ясный и понятный...

Увидеть в причудливых сгустках газа, в пылевидных сияющих облаках, похожих на вселенские столбы, фантазмагорические картины развивающихся событий, увидеть рождение новых звёзд, их эмбрионы в газовых оболочках-«икринках». Увидеть, как подобно птенцам, вылупливаются во тьму пространства из газовых шаров новые светила, бесподобные и прекрасные.

Увидеть умирание старых и тусклых звёзд, жизнь которых коротка, а смерть страшна, видеть после их смерти, разорванные в клочья и на длинные лоскутья, газовые оболочки – эти зависшие над бездной и стремительно летящие в никуда надгробия умерших светил...

Видеть жемчужные ожерелья и бесчисленные радужные стразы на необозримом каркасе Вселенной, который сработан Великим Зодчим из тёмной материи – этой Великой матери всех вещей и элементов.

В.Н. Никитин обладал эти удивительным даром сполна, и вполне возможно, что в скором времени нами будет принята к сведению его крылатая фраза: **«Я нашёл всему начало, и я многое познал».**

3. СМИРНОВ Алексей Глебович (1937-2009): честный Свидетель лживой эпохи

Он родился 23 июля 1937 года в Москве. Его родители: отец – Смирнов Глеб Борисович – профессор живописи; мать – Смирнова Любовь Фёдоровна – художник, преподавала черчение в учебных заведениях Москвы.

Алексей Глебович учился в средней художественной школе, после окончания которой, поступил в Московский художественный институт им. Сурикова на художественно-графический факультет.

Его дед – Борис Васильевич Смирнов – художник, член группы художников-передвижников Куинджи, с детских лет возил подростка Алёшу по монастырям, где обучал своего внука реставрации фресок и фресковой живописи.

Вместе с дедом Алексей реставрировал фрески в Мирожском монастыре на Псковщине. С тех пор А.Г. всю свою жизнь занимался реставрацией икон и настенной росписью в церквях и храмах России. Он расписал кафедральные соборы в городах Иваново, Тамбове, Чебоксарах, Новосибирске, Вятке. Расписывал Михайловский собор в Псково-Печерском монастыре. Дружил со многими иерархами православной церкви.

Дед А.Г. по матери – донской казачий атаман Абрамов Фёдор Фёдорович умер до революции. Его дядя – полный тёзка деда – Абрамов Фёдор Фёдорович после смерти генерала Миллера, возглавлял во Франции РОВС (Российский воинский союз).

Во время учёбы в Институте им. Сурикова Алексей Глебович принимал участие в реалистических выставках. Но, начиная с конца 50-х годов, увлёкся абстракционизмом, а позднее – критическим символизмом. Принимал активное участие в движении второго русского авангарда в Москве. В 70-е годы XX века А.Г. возглавил московский авангард пессимистического направления.

Чешский искусствовед Арсен Погрибный, собрав большую коллекцию московского авангарда, в 1968 году (перед вводом советских войск в Чехословакию) устроил в Праге большую выставку. После ввода войск он был объявлен врагом народа, но сумел спастись и вывезти картины за границу, после чего провёз их по всем выставочным залам западного мира, где она имела небывалый успех, и особенно отмечались работы А.Г. Смирнова.

Алексей Глебович был человеком незаурядных творческих способностей. Для него одинаково был лёгок переход от жанра художественного, живописного к писательскому жанру.

Им было написано несколько романов, пьес, стихов, которые, к сожалению не были изданы. И только с конца 90-х годов, в последние годы жизни он стал публиковать свои статьи по истории русской культуры Нового времени, а также истории Катакомбной церкви в России в парижском журнале «Символ» и в тель-авивском альманахе «Зеркало».

Определённое влияние на юношу Алексея оказало творчество и личное знакомство с писателем Даниилом Андреевым, который после отбытия тюремного заключения во Владимирском центре поселился со своей женой Аллой Александровной в дачном доме у отца Алексея Глебовича в подмосковном посёлке Перловском. Здесь же в Перловке Даниилом

Андреевым был написан главный его литературно-философский труд «Роза мира».

В доме у А.Г. любили собираться художники, писатели, музыканты. И так же как в Абрамцево, здесь была заведена традиция оставлять свои автографы на скатерти, и эти подписи затем прошивались цветными нитками.

В Перловке А.Г. организовал два православных прихода, а в середине 90-х годов перешёл в Российскую Автономную церковь, организовав Приход Святого цесаревича мученика Алексея.

Умер А.Г. 30 октября 2009 года, похоронен он в Москве на Бабушкинском кладбище, рядом с могилами отца и деда.

Скажу прямо, моя дружба с Алексеем Глебовичем была основана на чисто интеллектуальном общении и строилась на общей беззаветной любви к отечественной истории и литературе.

Особенно много внимания он уделял национальной истории, с её «интернациональными сюжетами» нового времени, в частности, исторической культурной антропологии.

Из новых направлений исторической науки (новой экономической истории, истории бизнеса и предпринимательства, интеллектуальной и социальной истории) он в первую очередь уделял внимание новой социальной истории, которая рассматривается сегодня как история человека и его связей с обществом, природой и миром.

Замечательный специалист по истории Русской Катакомбной церкви, истории дворянской усадьбы и быта, художник-иконописец Алексей Глебович Смирнов глубоко переживал духовно-нравственный кризис России. Эти переживания он изложил в своей «мемуарной публицистике» в нескольких номерах журнала «Зеркало» (Израиль, Тель-Авив), постоянным автором которого он являлся с 2004 по 2010 гг. и в очерке о Русской православной Катакомбной церкви и Киевском подпольном монастыре «Угасшие непоминающие в беге времени». (Альманах «Символ», Париж. 1998, №40, декабрь. С. 160-296).

«У нас народу много, а Людей нет» – часто в наших беседах любил повторять Алексей Глебович.

Алексей Глебович полагал, что **понимание смысла человеческого бытия всецело находится в компетенции религии, что акты человеческого сознания не подлежат научному анализу.**

Человеческую сущность А. Смирнов, как и А. Шопенгауэр, рассматривал с позиции крайнего пессимизма, но в отличие от немецкого философа, его пессимизм сопровождался традиционным русским состраданием и жалостью к этой «двуногой грешной твари Божьей». В этом сострадательном взгляде на «падшего человека» он был в своём творчестве заодно с Ф.М. Достоевским – великим знатоком «изнанки человеческой души».

Алексей Глебович, как и я, считал, что привычная интерпретация истории и ключевых исторических фактов связана с властью, что политика вне морали и нравственности есть наихудшее из всех зол.

Влияние безнравственной власти на историю проявляется при написании учебников истории. Здесь у власти всегда появляется соблазн интерпретировать исторические события в свою пользу, или исключить критику каких-либо глобальных исторических событий. Все правители всегда любили, чтобы исторические факты укрепляли их

авторитет и делали их имена бессмертными в пределах человеческой истории.

У Алексея Глебовича, по его неоднократным высказываниям, как и у Карамзина и Костомарова, история Московской Руси и России «не терпит оптимизма». Та археографическая работа, которую он проводил последние годы жизни, и критическое отношение к источникам привели его к необходимости признать недостоверными (и порой лживыми) отдельные «блестящие» эпизоды русской истории, считавшиеся до сих пор прочно установленными.

Алексей Глебович считал, что настоящий историк должен быть ещё и знающим архивистом и археографом – по убеждению. В лице Алексея Глебовича Смирнова счастливо соединялись историк-мыслитель и художник, сатирик и публицист. Все его заметки и статьи написаны в жанре исторической публицистики, в них сквозят идеи народной истории.

Весьма резко и негативно А.Г. отзывался о скороспелых «исторических расследованиях» «модных» сегодня журналистов, аналитиков и политологов, о документально-исторических телефильмах, в которых уже фальсифицированная история повторно фальсифицировалась авторами на основе свежего исторического анекдота и порождала новые мифы и легенды.

А.Г. считал, что мораль и история, мораль и политика – это вещи, между которыми обязательно должна быть позитивная связь. Есть моральные границы, которые нельзя переступать ни в науке, ни в экономике, ни в политике.

«Настоящая власть – это ответственная власть», – часто повторял Алексей Глебович.

А.Г. считал, что для настоящего историка-профессионала и простого любителя истории высшей целью должно быть **отстаивание исторической правды, раскрытие правды, ибо любая (даже страшная) правда – лучше самой красивой лжи**. В этом мы с А.Г. были всегда солидарны и это скрепляло нашу пятнадцатилетнюю интеллектуальную дружбу.

А.Г. обладал феноменальной памятью, он хранил в голове множество мелких исторических, на первый взгляд незначительных, деталей, касающихся многих тайн российской советской истории, раскрыть которые не удаётся до сих пор. У него была своя трактовка политических репрессий 1937 года.

Он считал, что сталинские репрессии были основным инструментом не только в борьбе с оппозиционной «ленинской гвардией», но и **средством по выколачиванию награбленных в России богатств из видных деятелей Коминтерна и большевистской верхушки**. Таким образом, утверждал Алексей Глебович, Сталин возвращал в советскую казну царское золото и драгоценности для построения социализма в одной стране.

А.Г. обладал огромной уникальной информацией, касающейся биографий известных деятелей русской и советской культуры и политики. Он высоко ценил как исторический источник **исповедальные мемуары**, в основе которых лежит не предсмертное оправдание своих греховных дел и поступков, а покаяние во имя спасения своей души.

Такой настоящей исповедью А.Г. считал «Исповедь» блаженного Августина, которая ценна для читателя, по его мнению, и глубоким

анализом своего внутреннего мира, и беспощадной оценкой внешнего мира, современного общества, которое нисколько не обеспокоено тем, как уберечь и защитить от зла входящего в него нового члена.

Особый интерес Алексей Глебович проявлял к личным, семейным архивам, он считал их кладезем уникальных документов по истории родного края, глубоко переживал гибель домашних библиотек, личных документов, дневников и мемуаров своих земляков-мытищинцев.

В последние годы жизни Алексей Глебович мечтал даже создать под эгидой Общества «Мемориал» солидное издание подобное «Российскому архиву», своего рода археографический ежегодник под условным названием «Семейный архив эпохи большевизма в России».

Это как раз были годы интенсивного сбора и обработки документальных материалов и свидетельств жертв большевистской системы насилия в Мытищах для «Книги Памяти жертв политических репрессий» (М. 2009). Некоторых из составителей этой Книги (Рахиль Нисневич и Александру Березняцкую) он знал лично и глубоко уважал.

Алексей Глебович считал необходимым развенчивать историческую ложь в биографиях видных советских государственных и партийных деятелей, а также вождей и агентов Коминтерна. Алексею Глебовичу претило «обольшевичивание» биографий, которое с 1918 года превратилось чуть ли ни в механизированный, производственный процесс.

Все биографические статьи о видных советских партийных и государственных деятелях в советских энциклопедических словарях он презрительно называл «советскими святцами», которым ни в коем случае не следует верить.

У А.Г. был целый блок (картотека) биографических сведений, касающихся сотрудничества (по разным причинам) потомственного и служилого российского дворянства, генералов и офицеров царской армии с большевистским режимом.

Тема сотрудничества российского дворянства с безбожной властью большевиков глубоко волновала и постоянно ранила А.Г., но он с фанатичным упорством наполнял её всё новыми и новыми фактами, устными и письменными свидетельствами. На почве этих археографических изысканий у него родилась оригинальная тема: «Борьба белой эмиграции с III Интернационалом», раскрыть которую он не смог по состоянию здоровья и рекомендовал мне заняться ею, используя для этого **ключевые** и второстепенные источники.

Отчасти «биографическая картотека» Алексея Глебовича напоминает мне знаменитый биографический справочник-каталог видного литературоведа и пушкиниста Б.Л. Модзалевского (1874-1928) В своей картотеке А.Г. как бы продолжает труд Модзалевского, прослеживая дальнейшую судьбу виднейших деятелей русской культуры, оказавшихся после 1917 года в белой эмиграции.

А.Г. считал, что большевики «мифологизировали» биографии своих героев и вождей в духе Госдепа США и «Документа 68», которые предусматривали создание легенд политикам-марионеткам для «очистения» их грязных биографий и возвеличивания их деятельности в глазах мировой общественности.

Оценки, которые А.Г. давал многим современным российским и зарубежным политикам, были, как правило, жёсткими, сжатыми и беспощадно убийственными, или, выражаясь по-современному, некорректными.

«Историк и писателю непозволительно раболепно сюсюкать с властью, ежечасно видя великое разорение России», – говорил он, когда речь заходила об очередном экономическом или политическом скандале.

Кроме формирования картотеки «правдивых персоналий», А.Г. много времени тратил на сбор уникальной информации по истории Коминтерна и тайных обществ с ним связанных, по истории Донского края, Белого движения, белой иммиграции и РОВС.

Незадолго до своей кончины А.Г. обдумывал написание исторического очерка о пагубной роли международного масонства на развитие белого движения, в частности о загадочной деятельности масона-мецената Фондаминского среди русского офицерства в Париже и Берлине. Как я понял, А.Г. признавая огромную роль международного масонства в революционном движении в Западной Европе и в России, весьма скептически относился к российскому масонству, называя его сетью «клубов для времяпрепровождения романтически настроенных либеральных господ».

По утверждению А.Г., многие видные правительственные чиновники Российской империи были масонами Великой провинциальной ложи, ложи Ищущих Манны Небесной в Москве, ложи Трёх Добродетелей в Петербурге, а также ложи Эвксинского Понта в Одессе.

Так, например, глава МВД России граф и масон В.П. Кочубей ежемесячно докладывал императору о жизни и деятельности масонских лож в России. Настоящие же масоны, по мнению А.Г., прятались за ширму этих «игрушечных», легальных российских лож и занимались на Западе своим прямым делом – импортом революции в Россию.

А.Г. имел свой взгляд на историю Великого большевистского грабежа в 1918-1938 гг., осуществляемого ОГПУ-НКВД и Коминтерном. Эта тема являлась для историка и публициста А.Г. Смирнова **ключевой**. Она во многом объясняла трагедию русского народа в эпоху построения великой советской империи, а также помогала определить ту огромную цену, которую пришлось народу заплатить за построение социализма в отдельно взятой стране.

Русский народ он считал многовековым заложником имперских амбиций своих жестоких правителей. Но имперское служение русского народа, по его мнению, не беспредельно, сегодня оно иссякает и теряет свой мессианский смысл.

В последней, предсмертной статье «Идеологическая платформа современного русского монархизма» А.Г. Смирнов писал:

«Россия не страна мелочных крохоборов и трясущихся от жадности ростовщиков – мы страна Великих Идей и надмирных багровых горизонтов, и только при таких перспективах мы все русские можем нормально и спокойно жить и снова делать свою историю, а не прозябать в лужах грязи, пропахших сивухой.

Идея Западной Империи выветрит из умственно отсталых незрелых молодых голов неонацистские, необольшеvistские и неотроцкистские настроения и люди, отравленные этими миазмами прошедшего века войн и предательств, наконец, обретут легитимное и разумное направление и перестанут маршировать в пустоту, оскверняя и так опозоренные столетним большевистским мраком улицы русских городов».

Содержание

Слово об ушедших в Вечность

1. Нам нет прощения.....	3
2 Свидетели иллюзий.....	5
3. Об А. Зиновьеве и А. Солженицыне.....	7

I. За Храмовой стеной (Стихи)

Сретенье.....	18
«Отложена тайная Книга...».....	19
Доктрина бессмертных.....	20
Последние атланты.....	26
Мотив разочарования.....	27
«Вся жизнь моя...».....	28
Голос.....	29
У камина времён.....	30
«В тени олив у вод Геннисарета...».....	31
Иван Грозный.....	32
Памяти Варлаама Шаламова.....	33
Банальный вопрос.....	34
Банальный ответ.....	35
Вошь о спасении.....	36
Вошь восхождения.....	37
День последний.....	38
Из глубины глубин.....	39
На краю суровой ойкумены.....	40
Самая страшная притча.....	42
Ломоносовский тракт.....	44
Видение.....	45
У тихих вод.....	46
«Как сегодня вечер тих и светел...».....	47
Страсти по Моабиту.....	48
Кремлёвская символика.....	49
«Я, конечно, умер раньше срока...».....	50
На берегу Ефрата.....	51
Старуха.....	52
О юдоли поэта.....	53
Груз Затеи.....	54
Репейник.....	55
Оккупация.....	56
Теософия.....	57
«Хорошо, что меня все забыли...».....	58
За кольцевой дорогой.....	59
«Мир жестокий...».....	60
Беседа с белгородскими горняками.....	61
«Я расскажу...».....	62
Рабы иллюзий.....	64
Я рад за всех!.....	65
Акростих.....	66

II. Евангелие от Макара (Стихи)

«Я в плен попал...».....	67
Чашка кофе.....	69
Огонь.....	71
Младенцев жалко.....	72
Новейший Завет.....	74
Будем жить.....	79
Оценщики.....	81
Вариация на электромагнитную тему.....	86
Благодарной публике.....	89
Конец.....	90
«Задумались озера отражая...».....	91
«Истории конвейерная лента...».....	92
«Взвесь моё сердце, Анубис...».....	93
Памяти историка Эгидиуса Баниониса.....	94

III. Философия Вечности. (Персоналии)

1. БИМ-БАД Макар Михайлович(1945-2010): вечное Колесо...95	
2. НИКИТИН Владимир Николаевич (1949-2010): философия Вечности. 98	
3. СМИРНОВ Алексей Глебович (1937-2009): честный Свидетель лживой эпохи.....101	

Об Авторе

АПОСТОЛОВ Анатолий Геннадьевич (1943), историк, публицист, прозаик, поэт, член Московской городской писательской организации Союза писателей России, член-корреспондент Международной Кирилло-Мефодиевской академии славянского просвещения.

Творчество А.Г. Апостолова многопланово и многогранно. В сборнике стихов и прозы «Озябший ангел» (М. 2007), удостоенном МПО СП РФ ордена им. Маяковского как лучшая книга 2008-2011 гг., представлен весь спектр его религиозно-философских и своеобразных мировоззренческих переживаний.

А.Г.Апостолов – автор нескольких книг стихов и прозы: «Из глубины нездешней» (М.1998), «Мучительно хочу быть человеческим» (М.1999), «Об известном и забытом» (М.2000), «Как продать ближнего. Донос как способ существования» (М.2003), «Высокое предназначение» (М.2005), «Озябший ангел» (М.2007) и др.

То, что автор не смог выразить в стихах, было выражено им в социальной публицистике и в научно-популярных очерках и статьях в периодической печати в конце 90-х годов XX века – «Новая газета», «Московский литератор», «Подмосковье», «Домашнее чтение», «Народная газета», «Наша Губерния»; в журналах «Москва», «Каприз», «Поэзия», «Московский вестник», «Дом Ростовых»; в сборниках стихов и прозы «Полдень», «Мужи и Музы», в альманахах «Академия поэзии» и «Отчее слово. Поэты Москвы о Боге и Вере».

По своему содержанию сборник стихов «За Храмовой стеной» – является прямым продолжением темы высокого предназначения человека и своеобразной данью памяти тех людей, на чью долю такое предназначение выпало.

Здесь в мотив прежнего отчуждения и внутренней эмиграции тесно вплетаются мотивы тотального одиночества лирического героя, с его особой многовековой, наследственной «античной тоской», которая часто проявляется в людях накануне гибели очередной цивилизации.

Звуки земли и звуки Небес вступают в резонанс и создают в чувствительной душе читателя глубокие трансцендентальные переживания.

Поэт Михаил Фридман

